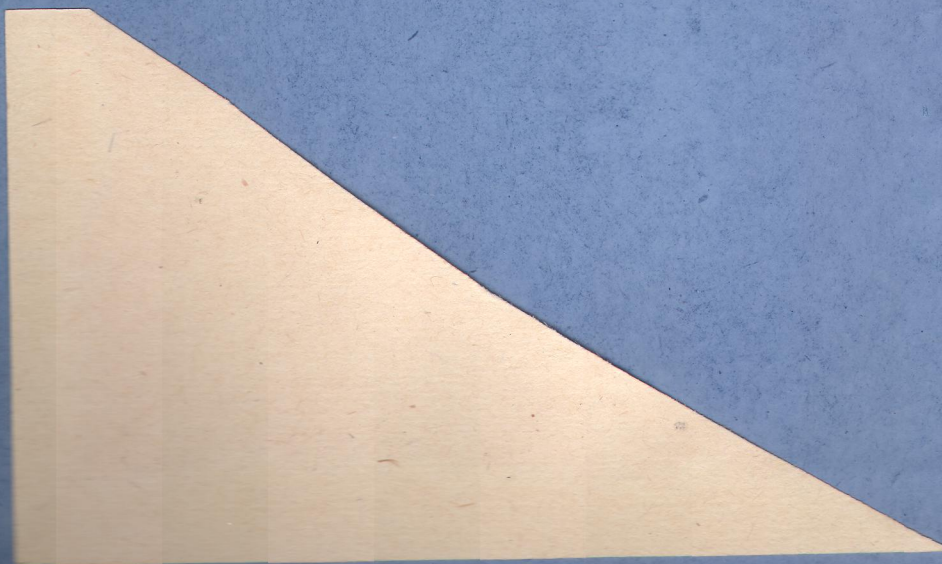
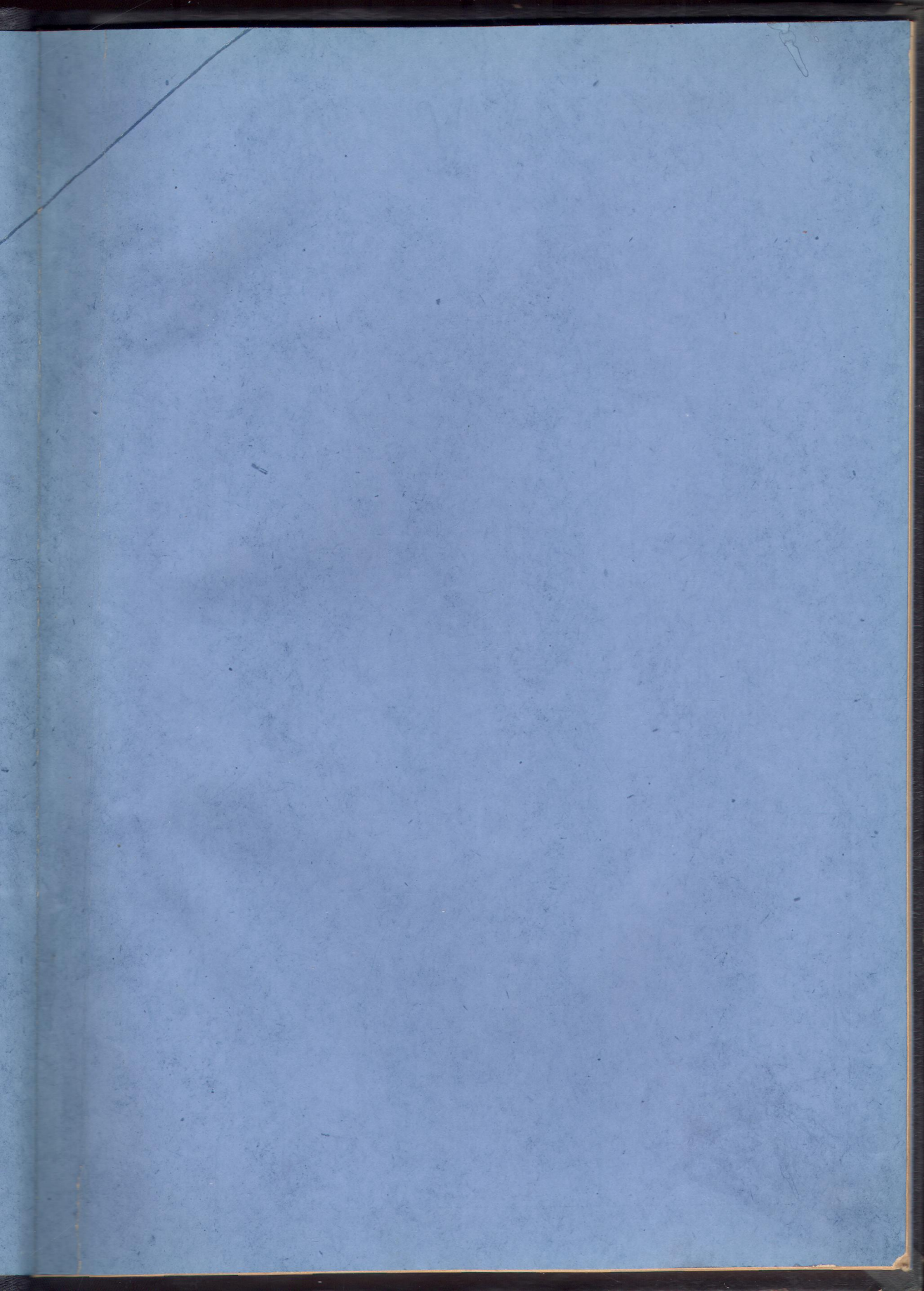

392548

Осип Иванович
Пеховский

~~2.184/2/1119~~
6802 (2244) 2089

Неруши, Иван Васильевич

Х.: Тун. Зинсерберг, 1902.

392548

Осипъ Ивановичъ Пѣховскій.

Обозрѣніе его учено-литературной дѣятельности и біографическія данныя.

Изъ своего непродолжительнаго личнаго знакомства съ О. И. Пѣховскимъ, я вынесъ самыя смѣтлыя воспоминанія объ этомъ, правда, нѣсколько чудоковатомъ, но въ высокой степени симпатичномъ и честномъ человѣкѣ, глубоко преданномъ своей наукѣ и всею душою ухोдившемъ въ занятія своими излюбленными авторами. Но собственно о его научныхъ достоинствахъ я имѣлъ лишь самое смутное представленіе, на которое не остались безъ вліянія и рассказы его бывшихъ слушателей о его преподавательской дѣятельности. Теперь же, приготавлиая къ изданію комментарій къ поэтикѣ Горация, я оказался вынужденнымъ, въ числѣ другихъ ученыхъ пособій, ознакомиться подробно и съ диссертацией Пѣховскаго, посвященной этому стихотворенію римскаго поэта. И вотъ, къ нѣкоторому моему удивленію, передо мною предсталъ Пѣховскій и въ образѣ солиднаго ученаго и тонкаго знатока своего предмета. Поэтому, желая подѣлиться своими впечатлѣніями съ товарищами по профессіи, я обратился съ соотвѣтствующимъ заявленіемъ къ г. редактору „Записокъ Университета“, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскому, по предложенію котораго, въ цѣляхъ большей цѣльности картины, я присоединяю также и необходимыя свѣдѣнія о прочихъ ученыхъ трудахъ Пѣховскаго, насколько эти послѣдніе оказались доступными для меня, благодаря особенно любезности моего уважаемаго коллеги по кафедрѣ классической филологіи Г. Ф. Шульца ¹⁾. Къ обозрѣнію учено-

¹⁾ Сочиненіе Пѣховскаго о поэтикѣ Горация я „открылъ“, благодаря опытному содѣйствію А. М. Кириллова, въ бібліотекѣ покойнаго профессора И. П. Сокальскаго, состоявшаго въ самыхъ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Пѣховскимъ. Удивительное отсутствіе сочиненій какъ разъ бывшихъ дѣятелей Харьковскаго университета составляетъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ недочетовъ бібліотеки этого университета. А между тѣмъ, кажется, было бы не трудно упорядочить это дѣло, по крайней мѣрѣ на будущее время (напримѣръ, въ связи съ ежегоднымъ сообщеніемъ свѣдѣній для отчета университета о печатныхъ трудахъ личнаго состава за истекшій отчетный годъ).

литературной дѣятельности присоединяю главнѣйшія данныя изъ его біографіи, причемъ болѣе подробно останавливаюсь на харьковскомъ періодѣ его службы.

I. De Q. Horatii Flacci epistola ad Pisones.

(Mosquae. 1853) ¹⁾.

Собственному изслѣдованію авторъ предпосылаетъ сжатое, но содержательное обзорнѣе существовавшихъ тогда мнѣній о цѣли и содержаніи поэтики Горація, составленное, повидимому, по сочиненіямъ Streuber-а и Düntzer-а.

Пѣховскій различаетъ три теченія въ толкованіи этого спорнаго произведенія: одни полагали, что поэтика Горація состоитъ изъ разныхъ частныхъ правилъ поэтическаго искусства, расположенныхъ безъ всякаго опредѣленнаго порядка; другіе, напротивъ, думали, что стихотвореніе Горація представляетъ собою полное и цѣльное ученіе о поэтикѣ, преподанное въ строго обдуманномъ порядкѣ; наконецъ, третьи усматривали въ составленіи посланія къ Пизонамъ особую цѣль, въ опредѣленіи которой, однако, обнаруживалось большое разногласіе.

Первый неблагопріятный отзывъ о композиціи поэтики Горація высказанъ *Скалтигеромъ*. По его мнѣнію, Горацій въ своихъ наставленіяхъ о поэтическомъ творествѣ не придерживается никакого плана. Такъ поступалъ-де еще Аристотель, а Горацій еще болѣе испортилъ систему. Тѣмъ не менѣе Скалигеръ находитъ это извинительнымъ, такъ какъ стихотвореніе Горація въ сущности только сатира. Напротивъ, *Heinsius*, не допуская мысли, что Горацій писалъ свое стихотвореніе безъ всякаго плана, высказалъ предположеніе, что первоначальное систематическое расположеніе стихотворенія перепутано было невѣжественными переписчиками; поэтому, въ цѣляхъ возстановленія мнимаго первоначальнаго порядка, онъ первый предложилъ произвести соотвѣтствующія перестановки частей стихотворенія. Противъ этого возражалъ *Фоссій*, утверждавшій, что Горацій соединилъ въ одно цѣлое, per satum, различныя правила поэтическаго искусства, безъ всякаго соблюденія опредѣленнаго какого-либо порядка. Такого же взгляда держались и другіе, особенно французскіе, критики, въ томъ числѣ и *Вольтеръ*, который, не находя никакой системы у Горація, ставилъ въ этомъ отношеніи поэтику Boileau гораздо выше поэтики Горація.

¹⁾ На экземплярѣ изъ бібліотеки *И. П. Сокольскаго* имѣется собственноручная надпись Пѣховскаго: Collegae doctissimo, amicissimo Sokalski.

Иной взглядъ приводятъ *Michelsen* и *Regelsberger*. Оба эти ученые, находя изложеніе Горація вполне систематическимъ, разбивали все стихотвореніе на три главныя части: общую, специальную и касающуюся личности поэта. При этомъ Регельсбергеръ пытался указать, что также и отдѣльные пункты каждой части связаны между собою въ опредѣленномъ порядкѣ, какъ это бываетъ въ учебникахъ. Тройственное дѣленіе поэтики Горація принималъ также *Eichstadt* и *Hohler*. Напротивъ, *Arnold*, считая чередованіе отдѣльныхъ пунктовъ болѣе или менѣе произвольнымъ, въ общемъ дѣлилъ стихотвореніе на двѣ части съ двумя подраздѣленіями въ каждой, такъ что получились собственно четыре отдѣла: 1—118 (общій), 118—332 (спеціальный), 332—407 (поэтическое искусство само по себѣ) и 407—476 (по отношенію къ личности поэта).

На третьемъ мѣстѣ Пѣховскій группируетъ самыя разнообразныя толкованія. *Baxter* считалъ стихотвореніе Горація сатирой на драматическихъ поэтовъ. По мнѣнію *Санадона*, Горацій составлялъ свои стихи съ одной стороны подъ вліяніемъ собственнаго негодованія противъ тогдашнихъ писателей, а съ другой—по просьбѣ Пизона и другихъ знатныхъ друзей; при этомъ Горацій будто-бы вовсе не имѣлъ въ виду представить полную поэтику, а желалъ преподать только главнѣйшія ея правила въ формѣ подходящей къ типу посланія. Многіе (въ томъ числѣ англичанинъ *Hurd* и французъ *Batteu*) обращали вниманіе на то, что стихотвореніе Горація вовсе не касается поэзіи вообще, а имѣетъ своимъ предметомъ одну только драму. Но это мнѣніе (кстати сказать, вполне основательное) оставалось въ пренебреженіи, особенно благодаря авторитету нѣмецкаго поэта *Виланда* (отъ котораго, впрочемъ, не отдѣлался вполне и самъ Пѣховскій). Цѣль посланія къ Пизонамъ, по невозможному предположенію Виланда, заключалась въ томъ, чтобы, по просьбѣ старика-отца, *отклонить* ¹⁾ молодого Пизона отъ стихотворства (вообще, а не только драматическаго), для каковой цѣли Горацій и выставилъ ему на видъ огромную трудность этого занятія. Къ мнѣнію Виланда, цѣликомъ или отчасти, примкнули *Collmann*, *Wetzel*, *Stande*, *Streuber* и другіе. Въ отличіе отъ этого, *Morgenstern* указывалъ, что Горацій желалъ, правда, отклонить отъ поэзіи плохихъ поэтовъ вообще, но въ то же время и склонить къ такому занятію хорошихъ писателей. Также *Haberfeld* допускаетъ толкованіе Виланда, но только въ смыслѣ случайнаго повода, а не главной побудительной

¹⁾ Это предположеніе опровергается стихомъ 407: *ne forte pudori sit tibi Musa lyrae sollers et cantor Apollo*.

причины. *Энгель* утверждалъ, что Горацийъ караетъ не только поэтовъ, но и критиковъ. Подобное мнѣніе высказывалъ и *Шелле*. Болѣе правильно сужденіе *Аста*, по мысли котораго цѣль Горация состояла въ томъ, чтобы разсѣять вообще тогдашніе превратные взгляды на поэзію; при этомъ *Астъ* высказалъ предположеніе, что Горацийъ поставилъ себѣ образцомъ діалогъ Платона „Федръ“. *Döring* полагалъ, что задача всего стихотворенія показана самимъ Горациемъ въ стихахъ 306—308, но исполнена она имъ безъ всякаго плана. *Пассовъ* вполне удачно подмѣтилъ, что стихотвореніе Горация вызвано борьбою тогдашнихъ литературныхъ теченій въ Римѣ и что Горацийъ выступилъ здѣсь защитникомъ эллинскаго направленія въ поэзіи; просьба отца Пизона могла имѣть лишь случайное значеніе. Также *Paldamus* полагалъ, что Горацийъ имѣлъ въ виду общую пользу римской литературы, ради которой и указывалъ на необходимость изученія греческихъ образцовъ. Напротивъ, *Ed. Müller* считалъ это стихотвореніе направленнымъ спеціально на пользу Пизоновъ. Оригинальное мнѣніе высказалъ *Lilie*: по его мысли, Горацийъ, задумавъ написать систематическую поэтику, не успѣлъ окончить своего труда, который въ данномъ видѣ изданъ былъ уже послѣ его смерти, по распоряженію Августа, изъ оставленныхъ Горациемъ набросковъ и отрывковъ. *Streuber* же принималъ мнѣніе Виланда о цѣли стихотворенія Горация, а относительно порядка присоединился къ мнѣнію Дэринга, принимаемому и *Линдеманномъ*. Возражая послѣднему, *Hilgers* считалъ неправдоподобнымъ, чтобы поэтъ указывалъ тему всего стихотворенія только уже почти въ самомъ концѣ. Также *Орелли* въ первомъ изданіи Горация придерживался еще мнѣнія Виланда, но уже во второмъ изданіи присоединилъ къ этому другое толкованіе, по которому Горацийъ бесѣдуетъ съ Пизонами о поэзіи безъ всякой задней мысли, но и безъ всякаго порядка. *Дюнццеръ* же не находитъ въ этомъ стихотвореніи никакого личнаго отношенія къ Пизонамъ. Наоборотъ *Mittlermayer* полагалъ, что Горацийъ дѣйствительно имѣлъ въ виду написать наставленіе для старшаго сына Пизона, и что оно написано имъ по опредѣленному плану: 1) вступленіе (1—31); 2) общія правила поэзіи (32—88); 3) спеціальныя правила драмы (89—288); 4) объ обязанностяхъ поэта (289 до конца). По *Дилленбургеру* Горацийъ обращался въ лицѣ Пизоновъ ко всѣмъ тогдашнимъ поэтамъ, но составилъ свое стихотвореніе не по предварительной схемѣ, а лишь въ вольномъ стилѣ письма. Также *Bernhardy* возстаетъ противъ мнѣнія, что поэтика Горация представляетъ собою систематическое ученіе о поэзіи, но тѣмъ не менѣе отказывается признать порядокъ стихотворенія чисто случайнымъ. Заслуживаетъ вниманія, что Бернгарди, основываясь на свѣжести

тона этого стихотворенія и на точности его выраженій, готовъ приписать посланіе къ Пизонамъ времени, предшествовавшему составленію прочихъ посланій. Въ противоположность къ этому, *Paldamus* полагалъ, что и содержаніе и тонъ и вся окраска стихотворенія свидѣтельству- ютъ о томъ, что Горацій написалъ его, наоборотъ, уже на закатѣ своей дѣятельности, когда, съ гордостью обозрѣвая послѣднюю, онъ могъ считать себя въ правѣ давать наставленія младшимъ. *Оббаріи* ставилъ посланіе къ Пизонамъ не особенно высоко, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Подобнымъ образомъ судилъ и *Peerlkamp*, но взваливалъ вину этого на переписчиковъ, перепутавшихъ все стихо- твореніе, вслѣдствіе чего и пытался возстановить нарушенный поряд- окъ путемъ подходящихъ перестановокъ. Поэтикой Горація занимался также *Гете*, но, по собственному своему заявленію, не могъ придти ни къ какому опредѣленному заключенію.

Таковъ обзоръ тѣхъ многочисленныхъ и разнорѣчивыхъ мнѣній о поэтикѣ Горація, съ которыми Пѣховскому пришлось имѣть дѣло, когда онъ приступалъ къ избранному имъ для своей магистерской диссерта- ціи предмету изслѣдованія. Однако, изъ предисловія (стр. 1) мы узна- емъ, что онъ началъ свою работу не съ изученія этой обширной ли- тературы вопроса. Напротивъ, онъ задался цѣлью вникнуть прежде всего самому въ смыслъ и построеніе изучаемаго памятника и уже по- томъ, послѣ выясненія собственныхъ взглядовъ, обратиться къ изуче- нію ученой литературы. По заявленію въ томъ же предисловіи, цѣль стихотворенія Горація стала ясной для Пѣховскаго безъ особеннаго труда, но за то тѣмъ болѣе пришлось ему поработать надъ уясненіемъ какъ общаго плана этого стихотворенія, такъ въ особенности надъ связью отдѣльныхъ его частей. Но чѣмъ болѣе онъ углублялся въ изу- чаемое стихотвореніе, тѣмъ болѣе становилось для него очевиднымъ, какъ прекрасно вяжется у Горація одна мысль съ другой. Когда же послѣ этого онъ приступилъ къ изученію литературы вопроса, то къ своему удовольствію онъ нашелъ, что найденное имъ самимъ трой- ственное дѣленіе поэтики Горація отстаивалось и другими учеными (Регельсбергомъ, Арнольдъ, Миттермаеромъ, Линдеманомъ), причемъ въ частности Регельсбергеръ и Арнольдъ оканчивали первую часть на томъ же 118 стихѣ, какъ и Пѣховскій. Указанный методологическій приѣмъ, котораго придерживался Пѣховскій, является чрезвычайно цѣле- сообразнымъ, такъ какъ онъ въ состояніи предохранить отъ предвзятыхъ взглядовъ всякаго, кто принимается за самостоятельное изученіе литера- турныхъ памятниковъ, хотя съ другой стороны для достиженія надлежа- щихъ результатовъ требуется значительная общая эрудиція по предмету

изслѣдованія и достаточно дисциплинированная способность сужденія. Что же касается предлагаемаго Пѣховскимъ тройственнаго дѣленія поэтики Горація, то, на мой взглядъ, это не истинное рѣшеніе вопроса, но все же близко стоящее къ истинѣ, если не считать основной мысли Пѣховскаго, по-моему неправильной, о томъ, что поэтика Горація касается поэзіи вообще; на мой взглядъ, предметомъ ея служить одна только драма и въ частности именно трагедія, поэзіи же вообще она касается лишь настолько, насколько то, что относится въ частности къ драмы, имѣетъ общее примѣненіе и къ поэтическому творчеству вообще, въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Послѣ обзрѣнія литературы предмета (стр. 3—21), Пѣховскій подвергаетъ обсужденію нѣкоторые вопросы болѣе общаго характера, связанные съ стихотвореніемъ Горація (стр. 21—49).

Указавъ на особенное развитіе поэзіи въ Римѣ со времени прекращенія междоусобныхъ войнъ и на возникновеніе, по инициативѣ Азинія Полліона, обычая декламаций, авторъ останавливается на охарактеризованіи обѣихъ главныхъ литературныхъ партій, изъ которыхъ одна проповѣдывала культъ старыхъ римскихъ поэтовъ, а другая, не довольствуясь послѣдними, ставила себѣ образцомъ греческихъ писателей. Къ послѣдней партіи, наравнѣ съ прочими выдающимися поэтами временъ Августа, принадлежитъ и Горацій. Но, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что о представителяхъ лагеря любителей родной старины мы знаемъ въ сущности лишь то, что про нихъ говорили ихъ противники, въ томъ числѣ на первомъ мѣстѣ самъ Горацій (цитаты у Пѣховскаго стр. 22). Независимо отъ этой принципиальной борьбы Горацію приходилось воевать противъ плохихъ поэтовъ вообще, не отличавшихся ни талантомъ, ни стараніемъ, ни знаніемъ. Считаая, однако, недостаточными одни только отрицательныя сужденія (напр. sat. 1, 9; epist. 1, 19; 2, 1, 2 сл.), Горацій, по мнѣнію Пѣховскаго, задумалъ обратить вниманіе и на положительную сторону дѣла, съ цѣлью указать правила для наставленія молодыхъ поэтовъ. Такое намѣреніе Горація Пѣховскій подкрѣпляетъ ссылкой на sat. 1, 4, 63. въ которой Горацій обѣщалъ другой разъ поговорить о томъ, можно ли считать сатиру поэзіей или нѣтъ. Но къ осуществленію своего намѣренія Горацій приступилъ не скоро, такъ какъ, по предположенію Пѣховскаго, онъ рѣшилъ предварительно проштудировать всю греческую поэтическую литературу, а также собрать правила о поэзіи александрійскихъ ученыхъ. Какъ видно, Пѣховскій черезъ-чуръ уже представлялъ себѣ Горація на подобіе нынѣшнихъ ученыхъ. Можно даже сомнѣваться въ томъ, что Горацій проштудировалъ *всю* греческую поэтическую литературу.

А что касается его ученыхъ пособій, то Порфиріонъ свидѣтельствуетъ, что пособіемъ для составленія поэтики Горацію послужилъ трудъ одного только Неоптолема.

Болѣе убѣдительно опредѣленіе общаго характера стихотворенія Горація (стр. 24—28). Разсмотрѣвъ всѣ мѣста съ сатирическимъ отѣнкомъ (списокъ ихъ данъ Пѣховскимъ на стр. 28), Пѣховскій приходитъ къ заключенію, что это вовсе не сатира, осмѣивающая одни лишь отрицательныя стороны плохихъ поэтовъ, а, напротивъ дидактическая поэма съ положительными указаніями для наставленія.

Далѣе, однако, Пѣховскій не правъ, когда онъ силится доказать, что посланіе въ Пизонамъ представляетъ собою полную поэтику, посвященную всей поэзіи вообще (стр. 28). Въ пользу своего мнѣнія Пѣховскій указываетъ на систематическое дѣленіе этого стихотворенія на три части (стр. 28—30), каковая стройность плана, однако, свидѣтельствуется прежде всего только о дидактическомъ характерѣ сочиненія. Кромѣ того, Горацій не удѣляетъ одинаковаго вниманія всѣмъ разрядамъ поэзіи. Но это произошло, по мнѣнію Пѣховскаго, вслѣдствіе того, что и вообще римляне оцѣнивали разные роды поэзіи не одинаково (стр. 30—35). Выше всего римляне ставили трагедію, гораздо ниже—комедію. Высоко цѣнилась у римлянъ эпическая поэзія. Сообразно съ этимъ и Горацій считалъ трагедію и эпосъ даже выше лирики (стр. 33), а изъ этихъ двухъ высшихъ разрядовъ отдавалъ предпочтеніе трагедіи (стр. 34). Этою сравнительною оцѣнкою разныхъ разрядовъ поэзіи опредѣлилось, по мнѣнію Пѣховскаго, также и различное отношеніе къ нимъ Горація въ его поэтикѣ: вся вторая часть посвящена преимущественно трагедіи, рядомъ съ которой Горацій касается еще только эпоса; подобнымъ образомъ и въ первой и третьей частяхъ удѣляется много мѣста именно трагедіи. Напротивъ, комедіи онъ касается мало и только между прочимъ. На лирику-же Горацій въ своей поэтикѣ не обращаетъ никакого вниманія. Это-то обстоятельство, служащее явнымъ признакомъ неправильности взгляда Пѣховскаго, послѣдній пытается устранить путемъ обширнаго разсужденія (стр. 36—39), заключающаго въ себѣ не доказательства, а скорѣе только увертки и натяжки. Не убѣдительна также и ссылка на Аристотеля, поэтика котораго касается, правда, преимущественно только трагедіи и эпоса, но зато касается обоихъ этихъ разрядовъ довольно равномѣрно, а не такъ, какъ у Горація.

Свое мнѣніе, что посланіе къ Пизонамъ имѣетъ своимъ предметомъ всю поэзію, Пѣховскій (стр. 41) подкрѣпляетъ, наконецъ, и тѣмъ, что въ 50 рукописяхъ, описанныхъ Кирхнеромъ, стихотвореніе Горація носитъ заглавіе: *ars poetica* или *artis poeticae liber*, въ двухъ имѣется

заглавіе: *poetria*, а въ одной: *de poesi et poetis* и только въ одной читается: *liber ad Pisones*. Къ этому присоединяется еще то, что и Квинтиліанъ цитуетъ это сочиненіе подъ заглавіемъ: *ars poetica* и *liber de arte poetica*. Изъ всего этого Пѣховскій выводитъ заключеніе, что посланіе къ Пизонамъ съ самаго-же начала выпущено было подъ заглавіемъ: *Horatii ad Pisones de arte poetica epistola* (или *liber*); послѣдующіе же ученые и переписчики сокращали это заглавіе, частью въ видѣ *epistola ad Pisones*, частью же въ формѣ *ars poetica*. На мой взглядъ, разногласіе рукописей и прочихъ свидѣтельствъ доказываетъ, что точно установленнаго заглавія не было; но преимущественное обозначеніе при помощи оборота *ars poetica* (еще даже у Квинтиліана), во всякомъ случаѣ, имѣетъ симптоматическое значеніе.

По поводу заглавія *epistola* Пѣховскій (стр. 42), откладывая болѣе подробное разсмотрѣніе писемъ Горация до другого случая (какого, однако, ему болѣе не представилось), замѣчаетъ, что во всѣхъ своихъ посланіяхъ Гораций имѣлъ въ виду не столько отдѣльныхъ лицъ, сколько вообще всю читающую публику. Форму-же обращенія къ опредѣленнымъ лицамъ онъ избиралъ только для того, чтобы съ одной стороны приобрѣсти адресата, а съ другой—съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность вести свою рѣчь съ тою теплотою, которая допускается именно въ письмахъ.

Адресата поэтики Пѣховскій (стр. 43) считаетъ тождественнымъ съ консуломъ Пизономъ 739 а. и. с. Однако не видно, было ли Пѣховскому извѣстно, что кромѣ Пизоновъ, упоминаемыхъ Тацитомъ (а. 6, 10), были еще другіе, которые также годятся въ адресаты этого посланія.

Относительно времени написанія поэтики Горация Пѣховскій указываетъ три мнѣнія: одни относили ее къ цвѣтущей порѣ дѣятельности поэта; другіе, напротивъ, полагали, что она написана уже только въ послѣдніе годы его жизни, и, наконецъ, третьи, по примѣру Виланда, считали этотъ вопросъ не разрѣшимымъ, но такъ, что поэтика все таки написана раньше посланія къ Августу. Съ мнѣніемъ Виланда согласенъ и Пѣховскій. Дѣйствительно, опредѣленіе времени можетъ быть дано только на субъективной подкладкѣ, разъ поэтика Горация представляетъ собою, какъ я лично увѣренъ, въ сущности только переводъ поэтики Неонтолема въ извлеченіи.

Самая существенная часть сочиненія Пѣховскаго (стр. 49—155) посвящена разбору внутренней связи мыслей, выраженныхъ Горациемъ въ посланіи къ Пизонамъ. Какъ уже было замѣчено выше, Пѣховскій разбиваетъ все стихотвореніе на три главныя части (стр. 28—30): въ первой изложены *universae poesis virtutes et vitia* (стр. 1—118), во

второй рассмотрѣны отдѣльные роды поэзіи (стр. 119—250), въ третьей же указано, что нужно для того, чтобы быть perfectus poeta. Изъ словъ самого Пѣховскаго видно, что третья часть, касающаяся поэта, составляетъ особое цѣлое, противоположное остальнымъ двумъ частямъ, трактующимъ о поэзіи (и при томъ, на мой взглядъ, въ частности одной только драматической поэзіи). Коренное недоразумѣніе относительно объема темы поэтики Горація наложило свою печать и на *диспозицію* этого стихотворенія.

При всемъ томъ разборъ Пѣховскаго отличается многими неоспоримыми достоинствами. Самая же главная заслуга его заключается въ указаніи параллелизма съ ученіемъ о риторическомъ искусствѣ. Еще на стр. 29 Пѣховскій замѣтилъ, что третья часть, трактующая о поэтѣ, имѣетъ точную аналогію у Квинтиліана, который, рассмотрѣвъ ретику, какъ предметъ обученія, въ 12 книгѣ переходитъ къ личности оратора. Подобнымъ образомъ и въ первой части поэтики Горація Пѣховскій (стр. 49) обращаетъ вниманіе на параллелизмъ ученія ретики объ inventio, dispositio и elocutio. Это наблюденіе столь очевидно (самъ Горацій открыто сознается въ этомъ), что нужно удивляться, какъ мало толкователи поэтики Горація сообразуются съ словами его самого, предпочитая, наоборотъ, вносить сюда насильственно собственные свои измышленія. Правильно также замѣчаніе Пѣховскаго, что Горацій слѣдовалъ схемѣ ретики только въ общихъ очертаніяхъ. Однако, если онъ утверждаетъ, что для поэзіи нельзя судить о нахожденіи матеріи (inventio) съ тою же точностью, какъ это было возможно въ реторикѣ, то это утвержденіе вытекаетъ лишь изъ его собственного (неправильнаго) взгляда на поэтику Горація, какъ на систему ученія о поэзіи вообще. По мнѣнію Пѣховскаго, отдѣлъ объ inventio (стр. 1—40) состоитъ изъ трехъ пунктовъ (съ чѣмъ я совершенно согласенъ), изъ которыхъ первый требуетъ будто-бы допущенія поэтической свободы (по моему, здѣсь идетъ рѣчь исключительно только о неумѣлой комбинаціи драматическихъ пьесъ), вторая предписываетъ единство поэзіи (вѣрно, но только у Горація это требованіе выражено частіе), а третій совѣтуетъ посильное избраніе темы (это не суть третьяго пункта, а только заключительный выводъ). Пѣховскій удачно отстаиваетъ принадлежность стиховъ 24—37 къ отдѣлу объ elocutio, въ то время какъ нѣкоторые усматривали здѣсь еще inventio.

Весьма обстоятельное разъясненіе смысла первыхъ 23 стиховъ (стр. 54—64) направлено главнымъ образомъ противъ Миттермаера. Но въ то же время сравнительно слишкомъ пространное многословіе въ этомъ отдѣлѣ, нерѣдко переходящее въ панегирическое восхвале-

ніе Горация, можетъ быть объяснено инстинктивнымъ сознаніемъ слабости основной мысли автора, ищущаго здѣсь общую теорію поэзіи вообще.

Съ болѣею ясностью и точностью опредѣлены начальные пункты элогіи. Хорошо объяснено слово *etiam* въ стр. 46 (по рукописному порядку). Удачно принимается выраженіе *in verbis serendis* въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ у Ореллія. Безспорно правильно и возраженіе противъ мнѣнія, по которому въ стр. 64—67 заключается похвала Августу и Агриппѣ.

Также и относительно отдѣла о метрахъ (стр. 72—85) удачно отмѣчена аналогія сочиненій Цицерона *orator* и *de oratore*. Однако, къ сожалѣнію, надлежащаго вывода изъ этого наблюденія не сдѣлано. Пѣховскій не сумѣлъ отрѣшиться далѣе отъ предвзятой мысли, что стихи 83—85 касаются спеціально лирики, несмотря на то, что прямой смыслъ этихъ стиховъ показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, метрика тутъ не при чемъ.

Слѣдующій затѣмъ отдѣлъ (ст. 86—98) не выясненъ съ достаточною твердостью и опредѣленностью. Но все-таки изложеніе Пѣховскаго лучше другихъ мнѣній, перечисленныхъ имъ на стр. 73. Вслѣдствіе недостаточной ясности значенія стиховъ 86—98, Пѣховскому представляются дальнѣйшіе стихи (99—108) простымъ продолженіемъ предшествующей матеріи, но съ спеціальнымъ приуроченіемъ къ понятіямъ *τὸ παθητικόν* и *τὸ ῥητικόν* (стр. 74). Слабое положеніе автора въ этомъ мѣстѣ видно изъ допущенныхъ имъ противорѣчій: съ одной стороны онъ говоритъ: *inde a v. 86 Horatium de operum coloribus egisse vidimus, in coloribus etiam nunc usque ad v. 118 versatur*; но съ другой стороны, стихъ 98 представляется ему (по крайней мѣрѣ на стр. 74) гранью, рѣзко отдѣляющею послѣдующее отъ предшествующаго. Кромѣ того, стихи 99—100 и 115—118 у него какъ-то совсѣмъ теряются.

При такихъ условіяхъ нельзя считать прочно обоснованнымъ его взглядъ (стр. 78) на ст. 118, какъ на конецъ первой, общей, части, послѣ которой начинается будто бы спеціальное ученіе объ отдѣльныхъ родахъ поэзіи. Возможное возраженіе, что еще стихи 89—118 посвящены были спеціально трагедіи, а не вообще поэзіи, Пѣховскій пытается (стр. 79) ослабить тѣмъ, что трагедія въ данномъ мѣстѣ имѣла только значеніе образчика въ качествѣ *pars pro toto*. Однако, можно судить какъ разъ наоборотъ: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Гораций не говоритъ спеціально о трагедіи, онъ обобщаетъ дѣло по тѣмъ или инымъ соображеніямъ.

Въ пользу своего мнѣнія, что со стиха 118 начинается новая часть стихотворенія, Пѣховскій указываетъ на нѣкоторый параллелизмъ между началомъ этой второй части (ст. 119 сл.) и начальными стихами всего стихотворенія: какъ первая часть начинается съ *inventio*, такъ и вторая трактуетъ прежде всего о томъ же предметѣ (ст. 120 и 125); и какъ тамъ Горацій настаиваетъ на единствѣ стихотворенія, такъ и здѣсь снова повторяется это требованіе (ст. 126 сл.). Наблюденіе Пѣховскаго совершенно правильно. Но оцѣнка этого факта, во всякомъ случаѣ, нѣсколько односторонняя. Авторъ пользуется своимъ наблюденіемъ только для того, чтобы доказать, что стихи 119 сл. *отличаются* по своему содержанію отъ предшествующихъ; но при этомъ вовсе не выяснено, почему Горацій именно здѣсь снова возвращается къ вопросу объ *inventio* (въ дѣйствительности въ этомъ мѣстѣ разъясняется зависимость элокуціи отъ *inventio*). Далѣе Пѣховскимъ совсѣмъ не опредѣлено то „спеціальное“ значеніе стиховъ 119—135, которымъ обусловливалось бы ихъ мѣсто во главѣ „спеціальной“ части. Да и дальнѣйшіе пункты мало соотвѣтствуютъ опредѣленію „спеціальной“ части, данной Пѣховскимъ, такъ какъ въ нихъ идетъ рѣчь не объ отдѣльныхъ родахъ поэзіи, а только о разныхъ частныхъ вопросахъ: о вступленіи (136—152), о возрастахъ (153—178), о хорѣ (193—201), музыкѣ (202—216), объ элокуціи хора (217—219), о сатирической драмѣ (220—250). Какъ видно изъ этого обозрѣнія, „спеціальная“ часть Пѣховскаго представляетъ собою какой-то безсистемный винигретъ, хотя самъ Пѣховскій, не безъ остроумія, пытается открыть общее связующее начало въ томъ, что здѣсь идетъ вездѣ рѣчь о *лицахъ*, въ качествѣ носителей всякаго поэтического сюжета. Однако, въ такомъ случаѣ, гдѣ же остаются отдѣльные разряды поэзіи?

Начальный пунктъ второй части (ст. 119—135), по мнѣнію Пѣховскаго (который въ этомъ случаѣ соглашается съ Орелліемъ), касается эпоса и трагедіи. Другіе усматриваютъ здѣсь только ученіе объ эпосѣ. Однако прямые указанія самого Горація (ст. 120: *reponis*; 129: *in actus*; 125: *scenaе*) вполнѣ отчетливо касаются одной только драмы.

Отдѣлъ о возрастахъ (ст. 135—178) издавна служилъ камнемъ преткновенія. Пѣховскій (стр. 85) перечисляетъ разные мнѣнія, высказанныя по этому поводу. Между прочимъ, здѣсь приведена попытка *Габерфельда* (недавно вновь повторенная Веклейномъ) подвести планъ первой половины поэтики Горація подъ систему Аристотелевскихъ шести частей трагедіи: *μῦθος* (ст. 1—45), *λέξις* (45—85), *de poetica oratione et de sono poematum* (136—152) съ эпизодической вставкой о вступленіи (136—152), *ἦθος* (153—178), *ὄψις* (179—201), *μελοποιία* (202—219).

Изъ другихъ мѣнй заслуживаетъ вниманія только утвержденіе *Велькера* (стр. 88), что отдѣлъ о возрастахъ касается спеціально комедій, и замѣчаніе *Lilie*, что Горацій говоритъ объ одномъ и томъ же предметѣ въ трехъ разныхъ мѣстахъ: 114 сл., 156 сл. и 312 сл. Пѣховскій, защищая Горація противъ такого упрека въ разбросанности, справедливо указываетъ, что въ разныхъ мѣстахъ поэтъ говоритъ о разныхъ вещахъ. Но въ общемъ оправданіе Горація вышло довольно блѣднымъ и слабымъ, несмотря на громкія хвалебныя фразы.

Въ томъ же панегирическомъ тонѣ Пѣховскій отстаиваетъ умѣстность стиховъ 179—192 (объ *intus digna geri*), хотя, въ концѣ концовъ, оказывается вынужденнымъ допустить здѣсь нѣкоторую вольность, которой, однако, въ дѣйствительности тутъ не имѣется.

Такъ какъ Пѣховскій напираетъ на то, что во второй части на первомъ планѣ стоятъ *лица*, то связь дальнѣйшихъ пунктовъ не представляетъ для него никакого затрудненія. Въ частности вопросъ о хорѣ разсмотрѣнъ прекрасно. Очень хорошо опредѣлено и общее значеніе стиховъ 214—219 въ приуроченіи къ трагедіи, въ то время, какъ Ламбинъ, Гейнзій и Габерфельдтъ полагали, что стихи 202—215 касаются комедій и только стихи 216—219 трагедіи. Однако нельзя согласиться съ Пѣховскимъ въ томъ, что Горацій будто-бы имѣетъ здѣсь въ виду однихъ только римлянъ (стр. 102 и 171 прим. 46).

Рѣшеніе вопроса о сатирической драмѣ, этой знаменитой сгук *philologorum* въ поэтикѣ Горація, составляетъ одно изъ наиболѣе цѣнныхъ мѣстъ диссертациі Пѣховскаго. Особенной похвалы заслуживаетъ указаніе на то, что разгадку этого труднаго вопроса можно искать не въ какихъ-либо теоріяхъ, а только на реальной почвѣ современной Горацію дѣйствительности, а именно въ томъ, что сатирическая драма въ самомъ дѣлѣ ставилась на тогдашней римской сценѣ (стр. 113). Хорошо также разъяснена связь мыслей въ этомъ отдѣлѣ. Но, къ сожалѣнію, мало обращено вниманія на то, что Горацій говоритъ здѣсь преимущественно о *хорѣ* сатировъ.

Со стиха 251, по дѣленію Пѣховскаго, начинается третья главная часть поэтики. Содержаніе этой части опредѣлено въ слѣдующемъ видѣ (стр. 118): *in tertia parte perfectum poetam informat*. Но при этомъ оказалась необходимою оговорка, что стихи 251—304 являются только вступленіемъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ темѣ этой третьей части, указанной Гораціемъ въ ст. 304—308, послѣ чего только и начинается собственное изложеніе того, что дано въ темѣ. Приуроченіе стиховъ 251—304 къ третьей части недавно снова предложено Веклейномъ, который также ставитъ во главѣ этой части отдѣлъ о ямбѣ.

Главнымъ основаніемъ такого взгляда, какъ у Веклейна, такъ и у Пѣховскаго, послужила непрерывность стилистической связи стиховъ 251—308 (стр. 122). Веклейнъ сходится съ Пѣховскимъ (стр. 122 сл.) также и въ указаніи на то обстоятельство, что Горацій приступаетъ здѣсь къ изложенію своей темы не прямо, а, напротивъ, только исподволь, начавши свою рѣчь, по заявленію Веклейна, такимъ коварно-элементарнымъ опредѣленіемъ ямба, изъ котораго читатель даже и не могъ догадаться, къ чему это поведетъ. Совершенно согласно съ Веклейномъ говоритъ и Пѣховскій (стр. 124): *ut a primis initiis ἀπὸς δοκίμως incipiens, gradatim ad generalia usque procedat, dum ad eam sententiam perveniat, quam proxime persequitur*. Статья Веклейна встрѣтила въ критикѣ чрезвычайно лестный приемъ. А между тѣмъ на провѣрку оказывается, что въ объясненіи стиховъ 251—308 (а черезъ это и вообще всей второй половины стихотворенія) Веклейнъ цѣликомъ воспроизводитъ мысли, высказанныя раньше его Пѣховскимъ, точно такъ, какъ и раздѣленіе первой половины примѣнительно къ шести терминамъ дано было еще Габерфельдомъ. Правда, изслѣдованіе Веклейна обставлено болѣе полнымъ ученымъ аппаратомъ. Но зато Пѣховскій превосходитъ Веклейна въ томъ, что, кромѣ формальной стороны, онъ принимаетъ во вниманіе и суть дѣла, такъ какъ, по его мнѣнію, въ отдѣлѣ о ямбѣ все дѣло сводится къ отрицанію плохихъ поэтовъ, что и указываетъ будто бы на принадлежность этихъ стиховъ къ той части, которая трактуетъ о поэтѣ. Толкованіе Пѣховскаго и Веклейна, на мой взглядъ, совершенно невѣрно; но самый фактъ полнаго совпаденія послѣдняго съ первымъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ особо.

Предложенное Пѣховскимъ, а потомъ снова Веклейномъ, толкованіе отдѣла о ямбѣ основывается только на желаніи выпутаться какъ-нибудь изъ крайняго затрудненія, которое издавна вызывалъ этотъ отдѣлъ и котораго въ дѣйствительности здѣсь даже и нѣтъ. Непредубѣжденный читатель этого мѣста поэтики Горація долженъ согласиться съ тѣмъ, что на первомъ планѣ стоитъ здѣсь поэзія, т. е. достоинства и недостатки поэтическихъ произведеній. Если при этомъ достается и ихъ авторамъ, то подобныя порицанія поэтовъ (но въ сущности опять-таки ихъ произведеній, а не ихъ личности) встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ первой половины поэтики. При этомъ по отношенію къ исторіи драмы Пѣховскій допускаетъ явную натяжку, усматривая также и здѣсь суть дѣла не въ этой исторіи, а въ примыкающемъ къ ней порицаніи плохихъ поэтовъ. Между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, римскихъ

поэтовъ въ исторіи драмы Горацій прямо даже восхваляетъ (ст. 286: *pes minimum meruere decus* и пр.).

Неудачно также и то, что Пѣховскій останавливается на стихѣ 304. Энгель начиналъ новый отдѣлъ со стиха 295, Регельсбергеръ со ст. 285, Шелль со ст. 289. Противъ послѣдняго Пѣховскій напрасно возражаетъ (стр. 120), что въ такомъ случаѣ новый отдѣлъ начинался бы частицей *pes*. Дѣло въ томъ, что тѣсное стилистическое соединеніе двухъ послѣдующихъ отдѣловъ не является рѣдкостью у Горація. Неоднократно бываетъ и такъ, что связующіе два отдѣла стихи даже и по содержанію примыкаютъ столько же къ первому, сколько и ко второму пункту. Въ данномъ же случаѣ связь послѣдующаго съ предшествующимъ только внѣшняя, стилистическая (*pes*). Напротивъ, содержаніе въ стихахъ 289—291 замѣтно измѣняется. Въ то время какъ до сихъ поръ была рѣчь объ исторіи драмы и, слѣдовательно, о разныхъ типахъ драматическихъ произведеній, греческихъ и римскихъ, теперь Горацій начинаетъ разсуждать о *limae labor* и вообще о качествахъ римскихъ поэтовъ, т. е. не о ихъ произведеніяхъ, а о ихъ личныхъ достоинствахъ и недостаткахъ. Такимъ образомъ со стиха 289 начинается отдѣлъ о личности поэта и указаніе на частицу *pes* не можетъ служить доказательствомъ, опровергающимъ содержаніе. Все предшествующее стиху 289, слѣдовательно, должно быть отнесено къ отдѣлу о поэзіи. Пѣховскій и Веклейнъ, поскольку они утверждаютъ противное, не правы.

Сдѣлавъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній ради связнаго перехода отъ первыхъ частей къ послѣдней, Горацій даетъ въ стихахъ 306—308 точную *propositio* этой послѣдней части. Такъ понималъ значеніе этихъ стиховъ, напримѣръ, и *Габерсфельдъ*, который, согласно съ этимъ, усматривалъ въ стихахъ 309—332 отвѣтъ на вопросъ: *unde parentur opes*, въ стихахъ 333—390 отвѣтъ на вопросъ: *quid deceat, quid non*, въ ст. 391—415 на вопросъ: *quo virtus* и, наконецъ, въ ст. 416—476 на вопросъ: *quo ferat error*. Иное дѣленіе предлагалъ *Регельсбергеръ*, по мнѣнію котораго Горацій говоритъ сперва о поэтѣ до составленія стихотворенія (ст. 306—333), затѣмъ о немъ же во время составленія своего труда (ст. 333—379) и, наконецъ, о времени послѣ окончанія работы (ст. 379—476). Многіе думали, что въ стихахъ 306—308 дана тема не одной только послѣдней части, а вообще всего стихотворенія (что, однако, противорѣчитъ тому, что для первой части имѣется открытая *propositio* въ ст. 40—41). Къ нимъ примыкаетъ отчасти и Пѣховскій. По крайней мѣрѣ, отвѣтъ на вопросъ: *quid deceat, quid non*, Пѣховскій (стр. 131) вовсе не находитъ въ послѣдней части стихотворенія, а считаетъ таковымъ все содержаніе первыхъ двухъ частей. По-

добрымъ образомъ и отвѣтъ на вопросъ: quo virtus, quo ferat error, онъ ищетъ тамъ же. Даже форму будущаго времени docebo (въ ст. 306) онъ не признаетъ препятствіемъ къ этому (стр. 134). Съ другой же стороны стихи 379—476 представляются ему вообще мало подходящими къ выставленной въ стихахъ 306—308 темѣ. Такимъ образомъ приходится Пѣховскому самому изыскивать распредѣленіе послѣдней части, трагующей о поэтѣ.

Нельзя одобрять, что ясное указаніе самого Горация Пѣховскій вздумалъ замѣнить собственнымъ своимъ измышленіемъ. Однако многія его толкованія частныхъ заслуживаютъ полнаго вниманія. Такъ напр., онъ прекрасно доказываетъ, что стихи 317—318 касаются дѣйствительной жизни, а не какой-то абстрактной формы, извлеченной изъ философскихъ системъ. Хорошо поняты стихи 319—322 въ смыслѣ вывода изъ предшествующихъ стиховъ. Хорошо объяснены и стихи 323—332, трагующіе объ идеальномъ образцѣ мыслей грековъ въ противоположность къ практически-меркантильному направленію римлянъ. Зато для слѣдующихъ затѣмъ стиховъ (333—378, 378—419, 419—452) данъ скорѣе одинъ только пересказъ вмѣсто планомѣрнаго опредѣленія ихъ значенія. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, слабость своихъ аргументовъ Пѣховскій прикрываетъ хвалебными замѣчаніями о томъ, какъ у Горация все прекрасно связано между собою. Такимъ же способомъ онъ отстаиваетъ и умѣстность заключительныхъ стиховъ.

Свой трудъ о поэтикѣ Горация Пѣховскій дополняетъ приложеніемъ 68 экзегетическихъ примѣчаній, касающихся, отдѣльныхъ стиховъ и выраженій.

Стихотвореніе Горация о поэзіи принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ спорныхъ, въ экзегетическомъ отношеніи, произведеній римской литературы. Великое множество ученыхъ занималось этимъ стихотвореніемъ и среди нихъ Пѣховскому принадлежитъ далеко не послѣднее мѣсто. Его диссертацию смѣло можно сопоставить даже съ разными хвалеными работами (напр. Веклейна). Очень многое выяснено Пѣховскимъ прекрасно. Но все это касается скорѣе только частныхъ, чѣмъ всего стихотворенія во всей совокупности. А такихъ спорныхъ частныхъ заключается въ поэтикѣ Горация не малое количество. Поэтому, не желая ограничиваться одними общими фразами, я долженъ былъ прослѣдить работу Пѣховскаго во всѣхъ деталяхъ.

Насколько общая характеристика такого сложнаго труда, какъ диссертация Пѣховскаго, неудобна, видно изъ слѣдующаго официаль-

наго отзыва профессора Деллена, представленнаго въ совѣтъ Харьковскаго университета 8 декабря 1869 года:

„Извѣстно, что надъ объясненіемъ посланія Горация къ Пизонамъ трудились первоклассные филологи Германіи, Франціи и Голландіи. Объ этой поэмѣ Горация Гёте говоритъ: Dieses problematische Werk wird dem einen anders vorkommen, als dem andern, und Jedem alle zehn Jahre anders. Въ настоящее время, кажется, дѣйствительно сбылось предсказаніе Мурета, что со временемъ будетъ больше толкователей этого посланія, чѣмъ стиховъ. Казалось бы, что послѣ столь обильныхъ трудовъ предметъ весь исчерпанъ и что нечего было приниматься за новый трудъ. Но авторъ показалъ, что онъ нашелъ для себя много дѣла. Авторъ избралъ себѣ этотъ предметъ именно потому, что онъ представлялъ ему непреодолимая трудности. Съ однимъ посланіемъ въ рукахъ, безъ всякихъ пособій, онъ трудился болѣе двухъ лѣтъ, добываясь истины, пока наконецъ ему удалось вполне уяснить себѣ и главную мысль поэта и замысловатую связь частей посланія. Послѣ сего онъ сталъ провѣрять свои мнѣнія съ мнѣніями другихъ ученыхъ, то принимая ихъ, то отвергая, то исправляя ихъ по надобности, причемъ онъ добросовѣстно старался открыть читателю посланія правильную точку зрѣнія на дѣло. Къ двумъ главнымъ частямъ сочиненія авторъ прибавилъ еще экзегетическія и критическія замѣчанія, въ которыхъ онъ болѣею частью вполне убѣдительно объясняетъ самыя трудныя и спорныя мѣста посланія. Говоря вообще, авторъ отлично пошелъ навстрѣчу филологическимъ трудностямъ, для того, чтобы ихъ преодолѣть и довести изслѣдованіе поэмы до предѣловъ возможности. Итакъ я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ *Кольстера*, сказавшаго въ своемъ подробномъ разборѣ этого сочиненія г. Пѣховскаго (см. Neue Jahrb. für Philol. und Pädagog. 1857 стр. 586): Im Ganzen muss man der Arbeit des Herrn Piechowski das Zeugniß geben, dass er den Riesenkampf, die Wahrheit einer solchen Menge von Gegnern gegenüber zu entwickeln, nicht ohne Geschick und mit grosser Ausdauer durchgekämpft habe. Желаящимъ болѣе познакомиться съ мнѣніемъ ученыхъ филологовъ объ этомъ сочиненіи г. Пѣховскаго прошу читать лестный отзывъ о немъ въ Отечественныхъ Запискахъ (1854, январь, стр. 39) и подробную рецензію Кольстера въ Neue Jahrb. f. Phil. u. Pädog. 1857 стр. 581—588“.

Этотъ отзывъ профессора Деллена на видъ очень содержателенъ. Тѣмъ не менѣ собственная оцѣнка труда Пѣховскаго *по существу* въ немъ совершенно отсутствуетъ, именно потому, что такой оцѣнки въ общихъ выраженіяхъ дать нельзя. Вообще можно сказать только одно, что трудъ Пѣховскаго несомнѣнно цѣненъ до сихъ поръ, какъ видно

уже изъ того, что онъ значится въ спискѣ лучшихъ пособій по поэтикѣ Горация въ исторіи римской литературы Тейффеля. Особенно можно рекомендовать всякому, занимающемуся поэтикой Горация, ознакомленіе съ первой частью диссертациі Пѣховскаго, въ которой представлено обзорѣніе литературы предмета. Новѣйшіе толкователи Горация въ значительной мѣрѣ повторяютъ лишь то, что было уже сказано (быть можетъ, даже лучше) прежними изслѣдователями, въ томъ числѣ и Пѣховскимъ, какъ показываетъ выше изложенный примѣръ Веклейна.

II. De ironia Iliadis. Mosquae. 1856.

Таково заглавіе второго крупнаго труда Пѣховскаго, представленнаго имъ въ Московскій университетъ въ качествѣ докторской диссертациі. Сочиненіе это не было у меня подъ руками, а потому я долженъ ограничиться свѣдѣніями и отзывами другихъ.

Профессоръ А. Н. Деревицкій въ некрологѣ Пѣховскаго, помѣщенномъ въ Московскомъ журналѣ „Филолог. Обзор.“ за 1891 годъ (I, 2, стр. 214) сообщаетъ слѣдующее:

„Сочиненія: De Horatii Flacci epistola ad Pisones и De ironia Iliadis составлены на латинскомъ языкѣ, которымъ покойный владѣлъ въ совершенствѣ. При этомъ нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что въ гомеровскомъ вопросѣ, который затронутъ имъ въ трактатѣ „Объ ироническомъ въ Иліадѣ“, Пѣховскій совершенно разошелся съ *Германомъ*, допустившимъ, какъ извѣстно, для Иліады существованіе различныхъ поэтовъ въ силу разнаго рода внутреннихъ противорѣчій, несходствъ въ языкѣ и метрѣ, различій въ поэтической обработкѣ сюжета и проч. Пѣховскій напротивъ примкнулъ къ представителямъ консервативной критики и пытался доказать единство Иліады въ томъ же духѣ, хотя и иными приѣмами, какъ доказывалъ единство этой поэмы Нитушъ. Своимъ воззрѣніямъ, выраженнымъ въ названномъ сочиненіи, покойный оставался вѣренъ до конца, считая какъ бы святотатствомъ всякія посягательства на неприкосновенность Иліады и не признавая даже примирительныхъ теорій Грота, Шёмана и другихъ“. Изъ этого указанія профессора Деревицкаго мы видимъ, что также и по отношенію къ Иліадѣ Пѣховскій придерживался тѣхъ же взглядовъ на критику текста, которые онъ проводилъ и по отношенію къ поэтикѣ Горация, отвергая фантазіи Пеерлькампа и другихъ исправителей этого стихотворенія, недовольныхъ послѣднимъ въ наличномъ ея видѣ. Однако, что умѣстно по отношенію къ Горацию, врядъ ли пригодно въ одинаковой степени къ такому, по крайней мѣрѣ въ основаніяхъ, произведенію на-

роднаго творчества, какъ гомерическій эпосъ, сложность котораго только еще усугубляется посредническою ролью пѣвческихъ школъ.

Профессоръ *Делленъ*, въ вышеупомянутомъ официальномъ представленіи въ совѣтъ Харьковского университета даетъ такой отзывъ: „Обратимся къ докторской диссертациі г. Пѣховскаго. Трагическая иронія изложена въ лучшихъ эстетикахъ нашего времени. Но на трагическую иронію Иліады и въ цѣломъ и въ частностяхъ никто прежде не обратилъ вниманія. Эта заслуга принадлежитъ г. Пѣховскому. Трагическая иронія открыла ему, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, путь къ основной идеѣ поэмы и къ ея единству. Авторъ рѣшительный поборникъ единства. Такъ какъ художественное единство, какое онъ открылъ въ поэмѣ, не можетъ быть дѣломъ простаго случая, то онъ принимаетъ одного гениальнаго творца, который съ необыкновеннымъ искусствомъ создалъ изъ чужихъ и своихъ рапсодій столь величавую поэму. Авторъ своимъ сочиненіемъ помогъ поколебать гиперкритическое ученіе *Лакмана*. Художественное единство Иліады изложено въ первой части сочиненія. Во второй части представлены отдѣльные примѣры ироніи изъ всей поэмы. Очень многія мѣста получаютъ совершенно новый свѣтъ отъ объясненій автора. Вотъ почему и рецензентъ этого сочиненія, *Беймлейнъ*, совѣтовалъ толкователямъ Иліады пользоваться имъ при своихъ объясненіяхъ. Къ крайнему моему сожалѣнію журналъ „*Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft*“, въ которомъ (въ 1857 году), помѣщена подробная и весьма лестная рецензія г. Беймлейна, не находится въ библіотекѣ нашего университета, но по принятымъ мною мѣрамъ надѣюсь сообщить ее гг. членамъ совѣта въ скоромъ времени. Въ концѣ моего отзыва пусть будетъ позволено мнѣ указать на ясное изложеніе и чистый латинскій языкъ г. Пѣховскаго. И въ этомъ отношеніи я вполне согласенъ съ мнѣніемъ *Кольстера* (стр. 586) и рецензента въ „Отечественныхъ Запискахъ“. „Кто такъ пишетъ, тотъ не можетъ не быть отличнымъ преподавателемъ“.

III. Разборъ Эдина царя Софокла.

Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ. 1870 (т. CL), сентябрь.

Аристотель въ своей поэтикѣ замѣтилъ, что поэзія богаче философскимъ содержаніемъ, чѣмъ исторія, потому что поэзія изображаетъ общее, соотвѣтственно необходимости или правдоподобности, въ то время, какъ исторія излагаетъ отдѣльные и случайныя явленія. Подобнымъ образомъ и Бернгарди въ своей Исторіи греческой литературы, перефразируя слова Аристотеля, называетъ греческую трагедію первымъ опытомъ философіи исторіи.

Примыкая къ этому воззрѣнію, Пѣховскій называетъ трагедію объ Эдипѣ царѣ маленькимъ міромъ, въ которомъ сосредоточены существенныя явленія жизни, обыкновенно разбросанныя и разсыяныя на обширномъ пространствѣ исторіи.

Разсужденій объ этой трагедіи Софокла очень много. Ученые, признавая необыкновенное искусство поэта, не согласны между собой на счетъ основной идеи трагедіи. Пѣховскій въ частности считаетъ не рѣшеннымъ вопросъ, падаетъ ли Эдипъ жертвой слѣпой судьбы или же онъ страдаетъ заслуженнымъ образомъ за свои невольныя злодѣянія. Но при этомъ Пѣховскій оговаривается, правильно ли ставить такъ этотъ вопросъ.

Изъ подробнаго обозрѣнія исторіи дома Лабдакидовъ Пѣховскій заключаетъ, что въ основаніи этого міра лежитъ народное воззрѣніе, поддерживаемое и дельфійскимъ оракуломъ, о томъ, что потомки отвѣчаютъ за грѣхи своихъ предковъ. На этой исторіи Лабдакидовъ построены три драмы Софокла: Эдипъ царь, Эдипъ въ Колонѣ и Антигона. Пѣховскій разсматриваетъ вопросъ, составляютъ ли эти три драмы одну трилогію или онѣ написаны каждая отдѣльно, и на основаніи внѣшнихъ и внутреннихъ данныхъ приходитъ къ заключенію, что это—три разрозненные трагедіи, не составлявшія цѣльной трилогіи. Поэтому онъ находитъ нужнымъ разсматривать трагедію объ Эдипѣ царѣ саму по себѣ, въ противоположности къ трилогіи Эсхила.

Исходя изъ положенія Аристотеля, признавашаго Эдипа трагическимъ лицомъ, а, слѣдовательно, и виновнымъ, Пѣховскій, путемъ подробнаго разбора трагедіи, приходитъ къ заключенію (стр. 283), что Эдипъ безспорно виновенъ, но тѣмъ не менѣе полагаетъ, что онъ не заслужилъ той страшной кары, которая его постигла. Наказаніе Эдипа, по мнѣнію Пѣховскаго, превосходитъ всякую мѣру, и въ этомъ-то несоблюденіи мѣры и заключается причина, почему Софоклу, несмотря на его необыкновенное искусство въ представленіи дѣйствій, аѣинскіе судьи присудили только вторую награду за эту трагедію (стр. 283). Такимъ образомъ, Пѣховскій открываетъ въ этой трагедіи Софокла немалый недочетъ, который, однако, восполненъ имъ въ послѣдствіи новой, составленной въ дополненіе къ Эдипу царю, трагедіей объ Эдипѣ въ Колонѣ, въ которой страдалецъ Эдипъ вознаграждается необыкновенною милостію боговъ, чѣмъ и восстановлено было нарушенное въ первой трагедіи равновѣсіе справедливости.

Таково содержаніе статьи Пѣховскаго. Съ нимъ можно, конечно, не соглашаться. Можно быть совершенно другого мнѣнія. Но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что статья объ Эдипѣ царѣ свидѣтельствуетъ о тонкомъ и любовномъ углубленіи въ текстъ изучаемаго автора.

IV. Oratio, qua scholas graecas auspicatus est in Universitate
Literarum Caesarea Charcoviensi. Charcoviae. 1870.

Содержаніе этой вступительной лекціи Пѣховскаго, напечатанной въ приложеніи къ протоколамъ совѣта Харьковскаго университета за 1870 годъ, состоитъ въ слѣдующемъ:

Прежде всего приведенъ списокъ разныхъ сочиненій, имѣющихъ болѣе или менѣе специальное отношеніе къ вопросу, избранному Пѣховскимъ для своей вступительной лекціи и выраженному имъ же словами: „о характерѣ и значеніи греческой литературы“ (de natura et vi literarum graecarum). Приступая къ изложенію самой темы, Пѣховскій указываетъ на великія заслуги греческаго народа передъ человѣчествомъ. Колонизавъ побережья средиземнаго моря и водворивъ на всемъ этомъ пространствѣ свою культуру, греки пріобщили къ ней, наконецъ, и своихъ побѣдителей—римлянъ, заслужившихъ потомъ всякую похвалу въ соревнованіи съ греками на поприщѣ цивилизаціи. Когда же померкла звѣзда римской имперіи и вмѣстѣ съ этимъ на западѣ пришли въ упадокъ занятія греческой литературой, то западная Европа погрузилась въ умственный мракъ, который разсѣялся только въ 15 столѣтіи, когда тамъ снова воскресло знакомство съ греческими писателями. Съ тѣхъ поръ въ западной Европѣ открылся новый разцвѣтъ литературы и наукъ. Въ числѣ послѣднихъ занятіе греческой и римской литературой продолжаетъ занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Пѣховскій перечисляетъ длинный рядъ именъ знаменитыхъ филологовъ Италіи, Франціи, Голландіи, Англіи и Германіи. Обращаясь затѣмъ къ славянскимъ землямъ, авторъ съ грустью замѣчаетъ, что онъ не въ состояніи указать подобныхъ знаменитыхъ представителей классической филологіи, за исключеніемъ развѣ чеха Геленія. Рисуя эту печальную картину, Пѣховскій замѣчаетъ, что въ данное время (въ 1870 г.) въ пяти русскихъ университетахъ совсѣмъ не было профессоровъ греческой словесности.

По отношенію къ вопросу о современномъ значеніи древнихъ литературъ Пѣховскій обращается прежде всего противъ односторонняго утвержденія, что древніе языки должны служить преимущественнымъ орудіемъ изощренія ума. По его мнѣнію, для этой цѣли одинаково пригодны и новые языки, конечно подъ условіемъ соотвѣтственной ихъ постановки въ школѣ.

Истинное значеніе классической филологіи основывается на преимущественности культуры: современная наука и литература выросла всецѣло на почвѣ, подготовленной греками и римлянами. Помимо этой

исторической связи древняй литературы и сами по себѣ неоцѣнимы, какъ источникъ того гуманитарнаго духа, который воспринять былъ отстуда западными націями еще со временъ возрожденія и на отсутствіе котораго въ русской школѣ Пѣховскій жалуется въ довольно-таки рѣзкихъ выраженіяхъ.

Приобрѣтеніе какихъ бы то ни было свѣдѣній не трудно, была бы только память. Но не такъ легко усвоеніе гуманитарнаго воспитанія, зиждущагося на идеѣ прекраснаго (*τὸ καλόν*). Этой-то гуманитарной цѣли въ высшей степени удовлетворяютъ занятія греческими авторами, такъ какъ именно греки создали наивысшіе образцы прекраснаго не только на почвѣ духовнаго творчества, но и въ области духовной жизни человѣка вообще. Свое положеніе объ этическихъ началахъ, кроющихся въ произведеніяхъ знаменитыхъ греческихъ писателей, Пѣховскій развиваетъ очень подробно и обстоятельно, останавливаясь въ частности на понятіяхъ объ *αἰδώς*, *νέμεσις*, *γνώσι θεαυτὸν*, *σωφροσύνη* и *εὐνοία*.

Идеально изящному устроенію греческаго духа соотвѣтствуетъ и художественный характеръ языка грековъ, который поэтому и самъ по себѣ уже является достойнымъ предметомъ изученія. Утвержденіе что подлинникъ можно замѣнить переводомъ, по отношенію къ греческимъ безсмертнымъ твореніямъ не примѣнимо. *Optimae versiones nihil nisi umbrae sunt graecorum exemplarium; quae umbrae si satisfaciant, huic equidem nihil invideo.*

Свою лекцію авторъ заканчиваетъ обращеннымъ къ слушателямъ пожеланіемъ, *ut omnium optimi magistri, auctores graeci, non solum magnam vobis suppeditent copiam rerum, sed etiam acuunt formentque iudicium elegans animosque vestros veri honestique studio et amore incendant.*

V. „Что такое филологія?“

Статья, напечатанная подъ этимъ заглавіемъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1872 годъ (ч. CXLIV, отд. 2, въ двухъ книжкахъ), въ значительной мѣрѣ соприкасается съ содержаніемъ вступительной лекціи, но вопросъ поставленъ иначе и шире, вслѣдствіе чего и статья оказывается далеко обширнѣе.

Вся статья распадается на двѣ неравныя части. Первая изъ нихъ, большая по объему и въ тоже время наиболѣе цѣнная, представляетъ собою историко-литературное обзорѣніе исторіи развитія понятія о филологіи въ древности и новѣйшихъ попытокъ опредѣленія этого поня-

тія, равно какъ и классификаціи входящихъ въ составъ этой науки отдѣльныхъ филологическихъ дисциплинъ.

Въ классическій періодъ греческой литературы слово *φιλόλογος* имѣло простое лексическое значеніе, соотвѣтственное значенію обоихъ составныхъ корней, и притомъ употреблялось оно еще только для обозначенія охоты говорить, охоты къ произнесенію устныхъ рѣчей. Въ александрійскій періодъ значеніе слова измѣнилось. Такъ какъ въ то время образованіе и знанія приобрѣтались уже не столько изъ словесныхъ объясненій знаменитыхъ философовъ, сколько книжнымъ путемъ, путемъ изученія литературныхъ произведеній прежняго времени, то люди, предававшіеся изученію этого писаннаго слова, и стали теперь называться филологами въ смыслѣ „знатоковъ литературы“. Знаніе же этого дѣла касалось какъ содержанія, такъ и формы, но уже тогда многіе ученые, по личной наклонности или вкусу, изучали попреимуществу одну изъ обѣихъ сторонъ, форму (и языкъ) или содержаніе; тѣ и другіе одинаково назывались филологами, какъ это удостовѣрено Плутархомъ. Слово „филологъ“ отъ грековъ переняли и римляне. Напротивъ въ средніе вѣка этотъ терминъ не былъ въ ходу, а возродился вновь только съ возрожденіемъ наукъ.

Судьбы новой филологіи Пѣховскій, согласно съ Крейцеромъ, раздѣляетъ на четыре періода: первый—періодъ стремленія къ подражанію классической древности (XIV—XV вв.), второй—періодъ реализма съ преобладающей полигисторіей (XVI и XVII вв.); третій—періодъ критицизма (XVIII в.) и четвертый—начинающійся съ Ф. А. Вольфа (XIX в.). Благодаря широкому развитію филологическихъ наукъ, слово „филологъ“ стало примѣняться то въ болѣе широкомъ, то въ болѣе узкомъ смыслѣ. Этотъ терминъ стали примѣнять и къ занятіямъ другими литературами, кромѣ древнихъ. Суть же классической филологіи искали то въ грамматикѣ и критикѣ, то въ литературѣ, то въ классической учености вообще, то въ гуманизмѣ. Ф. А. Вольфъ опредѣлялъ классическую филологію, какъ науку о древности, и съ тѣхъ поръ слово „*Altertumswissenschaft*“ приобрѣло широкое примѣненіе. Соотвѣтственно этому Вольфъ пытался опредѣлить и составъ классической филологіи, насчитавъ всего 24 отдѣльныхъ дисциплинъ (перечисленныхъ у Пѣховскаго на стр. 31). Высказавъ нѣкоторыя свои соображенія по поводу терминологіи и классификаціи Вольфа (стр. 32—34), Пѣховскій переходитъ къ изложенію теорій Крейцера и Аста. Въ то время какъ Вольфъ всецѣло отождествлялъ классическую филологію съ наукой о древности, Крейцеръ и Астъ, напротивъ, различаютъ оба понятія, причемъ первый строитъ свою классификацію на филологіи и отъ нея уже переходитъ къ наукѣ о древности въ узкомъ смыслѣ, а второй посту-

нсть какъ разъ наоборотъ. Въ свою очередь *Бернарди* сохраняетъ филологію въ качествѣ общаго, всеобъемлющаго, термина и подводитъ подъ него всѣ частныя дисциплины (стр. 38). Упомянувъ вкратцѣ о *Геймани* и *О. Мюллеръ*, Пѣховскій подробно останавливается на ученіи *Бека* (стр. 40—44) и обращается затѣмъ къ мнѣніямъ *Elze* (стр. 44), *Рейхарда* (стр. 45), *Гаазе* (стр. 46—49), *Гирцеля*, *Германа* и *Штейн-шала* (стр. 50). Всѣ эти ученые такъ или иначе примыкаютъ къ Вольфу. Но были и противники, каковъ *Heeren* (стр. 51).

Въ отличіе отъ этихъ теоретическихъ разсужденій, на практикѣ довольно ясно обозначились два направленія въ филологической наукѣ, реальное и формальное. Представителями реального направленія были, напр., *Бекъ* и *О. Мюллеръ*, формальнаго—*Г. Германъ* (стр. 52). О послѣднемъ Пѣховскій сообщаетъ попутно свои личныя воспоминанія изъ того времени, когда онъ слушалъ его лекціи (стр. 54).

Въ концѣ первой половины своей статьи Пѣховскій сообщаетъ взгляды слѣдующихъ ученыхъ: *Jahn*, *Kirchhoff*, *Курціусъ*, *Mützel*, *K. Hermann*, *Matthiae*, *Milhauser* и *Gerhard*.

Во второй, меньшей, половинѣ Пѣховскій приступаетъ къ изложенію собственнаго своего взгляда на изслѣдуемый ими вопросъ. Исходною точкою онъ принимаетъ мнѣніе *Гергарда*, опредѣлявшаго филологію не какъ науку, а какъ искусство, каковое мнѣніе Пѣховскій и пытается разъяснить и мотивировать. Съ этою цѣлью онъ снова возвращается къ грекамъ. Представивъ довольно обстоятельное обзорѣніе филологическихъ занятій классическаго и александрійскаго періодовъ и упомянувъ вкратцѣ также о римлянахъ, Пѣховскій переходитъ, наконецъ, къ изложенію принятой имъ теоріи (стр. 210), основывая послѣднюю на разборѣ характера грековъ (стр. 211—222) въ сравненіи съ характеромъ римлянъ (стр. 222—216). Греки были сильны своимъ словомъ, своей литературой (стр. 227 сл.), а сами они понимали филологію въ смыслъ репродукціи литературныхъ произведеній (стр. 233). Затѣмъ, разъяснивъ значеніе слова „классическій“, авторъ представляетъ кое-какія свѣдѣнія о положеніи филологіи въ Россіи (стр. 235). Въ заключеніе онъ говоритъ о новой философіи (стр. 236) въ сравненіи съ древней (237) и останавливается на вытекающихъ изъ новой философіи порокахъ нашего времени, изображаемыхъ имъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ (стр. 238 сл.). Это окончаніе написано подъ явнымъ вліяніемъ личнаго раздраженія, обусловленнаго, вѣроятно, тѣми мытарствами, которыя въ это самое время приходилось ему испытывать въ вопросѣ о служебномъ его положеніи (см. ниже VIII). Чтеніе этихъ заключительныхъ страницъ производитъ тягостное и даже удручающее впечатлѣніе.

VI.

Изъ сообщенныхъ здѣсь свѣдѣній видно, что главные печатные труды Пѣховскаго касаются толкованія древнихъ авторовъ: Горація, Гомера, Софокла. Ученыя достоинства этихъ трудовъ, по отзывамъ компетентныхъ знатоковъ, а по отношенію къ Горацію и по моимъ собственнымъ наблюденіямъ, не малыя. Пѣховскій является въ нихъ не только искреннимъ поборникомъ научной истины, но и глубокимъ знатокомъ изучаемыхъ имъ сочиненій древнихъ авторовъ, а равно и не дюжиннымъ мыслителемъ, насколько дѣло касается экзегетическаго раскрытія того или иного смысла даннаго текста. Въ послѣднемъ отношеніи не лишено интереса слѣдующее указаніе профессора А. Н. Деревипкаго, одного изъ бывшихъ слушателей Пѣховскаго. „Покойный профессор“, говоритъ уважаемый Алексѣй Николаевичъ¹⁾, „отводилъ въ своихъ лекціяхъ мѣсто и толкованію древнихъ авторовъ, и можно сказать, что самую сильную сторону его составляла критика и экзегеза греческихъ поэтовъ, особенно же Гомера, Софокла и Эсхила. Глубина пониманія соединилась въ немъ съ горячимъ воодушевленіемъ. Онъ умѣлъ не упустить изъ виду при объясненіи ни одной мало-мальски важной детали, умѣлъ подмѣтить и истолковать малѣйшіе оттѣнки въ выраженіи мысли, умѣлъ выяснитъ значеніе каждой части въ экономіи цѣлаго. Онъ никогда не забывалъ, что въ поэтическомъ произведеніи смыслъ отдѣльныхъ мѣстъ долженъ прежде всего опредѣляться ихъ отношеніемъ къ идеѣ цѣлаго, и при оцѣнкѣ предлагаемыхъ эмендацій текста эта мысль служила для него основнымъ критеріемъ. Какъ критикъ, онъ придерживался консервативнаго направленія. Его честолюбіемъ было по возможности защититъ и отстоять преданіе, и онъ дѣлалъ это съ рѣдкою основательностью и замѣчательнымъ остроуміемъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда чтеніе подлинника оказывалось явно и безнадежно испорченнымъ, онъ прибѣгалъ къ конъектурѣ, но при этомъ, подобно Герману (его учителю), онъ отдавалъ предпочтеніе критикѣ дивинаторной передъ дипломатической“.

Для выработки указаннаго направленія въ ученой дѣятельности Пѣховскаго имѣли, повидимому, существенное значеніе впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ заграничнаго путешествія, предпринятаго имъ съ научною цѣлью въ 1844—1848 годахъ. Профессоръ Деревипкій характеризуетъ этотъ періодъ жизни Пѣховскаго слѣдующимъ образомъ: „Въ августѣ 1843 года состоялся приказъ о командированіи Пѣховскаго за границу для изученія римской словесности и древностей. Пѣховскій

¹⁾ Фил. Обзор. I, 2, стр. 214.

оставилъ Москву, чтобы посѣтить Берлинъ, Лейпцигъ и другіе университетскіе города Германіи, а затѣмъ отправиться въ Италію, въ Римъ. Не хѣшаетъ припомнить, что въ началѣ сороковыхъ годовъ филологическая наука имѣла на западѣ, особенно въ Германіи, множество блестящихъ представителей. Это было время, когда въ Кенигсбергѣ жили лавры Лобекъ и Лерсъ, въ Боннѣ — Велькеръ и Ричль, въ Бреславлѣ — К. О. Мюллеръ, въ Гёттингенѣ — Шнейдевинъ, въ Галле — Бернгарди, тогда въ Лейпцигѣ дѣйствовалъ еще Готтфридъ Германъ, основатель и глава критико-грамматической школы, а въ Берлинѣ читалъ лекціи Августъ Бёкъ, самый крупный представитель историко-антикварнаго направленія. Окруженные многочисленными учениками, почитателями и послѣдователями, Германъ и Бёкъ соперничали другъ съ другомъ. Они находились между собою, по выраженію самого Бёка, „въ странныхъ отношеніяхъ дружбы, поддерживаемой постоянными взаимными нападеніями (in dem sonderbaren Verhältniss einer durch wechselseitige Befehdungen unterhaltenen Freundschaft)“. О. И. Пѣховскій слушалъ не только ихъ обоихъ, но и многихъ другихъ знаменитыхъ профессоровъ того времени; однако тѣснѣ всего примкнулъ онъ къ кружку Германа и на всю жизнь сохранилъ благоговѣйную память объ этомъ гениальномъ человѣкѣ, подъ вліяніемъ котораго въ немъ самомъ развился интересъ и вкусъ къ изслѣдованіямъ въ области языка, къ критическому изученію рукописнаго преданія, къ вопросамъ метрики, къ чтенію и эстетическому толкованію поэтическихъ произведеній древности. Особенно же близко сошелся онъ съ зятемъ Германа Морцемъ Гауптомъ, извѣстнымъ издателемъ Вергілія, Горация, Катулла и другихъ римскихъ поэтовъ. Въ августѣ 1848 года Пѣховскій возвратился въ Россію и въ слѣдующемъ году былъ опредѣленъ на службу въ Московскій университетъ адъюнктомъ по кафедрѣ греческой словесности“.

„Пѣховскій въ высшей степени обладалъ знаніемъ своего предмета. Читая въ продолженіе многихъ лѣтъ лекціи по греческимъ древностямъ и по исторіи греческой литературы, онъ успѣлъ обработать эти два предмета въ видѣ прекрасныхъ курсовъ, отличавшихся строгою систематичностью, полнотою и самостоятельностью сужденія“.

О. И. Пѣховскій не былъ узкимъ спеціалистомъ. Онъ отличался рѣдкой любознательностью и широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ. Начитанность его была огромна. Онъ равно интересовался и исторіей, и философіей, и искусствами, и языкознаніемъ, и политикой. Санскритскому и литовскому языкамъ онъ началъ учиться уже въ студенческихъ лѣтахъ. Этою его многосторонностью, этою чисто юношескою пылкостью на высшіе вопросы духа, этою горячею любовью къ

знанію въ такой же мѣрѣ, какъ и нравственною высотой личности покойнаго объясняется тотъ авторитетъ и то уваженіе, которымъ пользовался Осипъ Ивановичъ въ кругу не только своихъ учениковъ, но и вообще лицъ, знавшихъ его лично. Кончина его не была ни для кого чѣмъ-нибудь неожиданнымъ. Онъ давно завершилъ поприще общественной дѣятельности и умеръ въ глубокой старости. Тѣмъ не менѣе многимъ изъ его бывшихъ слушателей взгрустнется, когда они узнаютъ, что не стало ихъ добраго, безконечно преданнаго своему дѣлу наставника“.

Въ этомъ прочувствованномъ отзывѣ А. Н. Деревницкій упоминаетъ, между прочимъ, объ интересѣ Пѣховскаго къ изслѣдованіямъ въ области языка и о томъ, что уже въ преклонныхъ лѣтахъ онъ началъ заниматься санскритскимъ языкомъ, а, слѣдовательно, интересоваться вопросами сравнительнаго языкознанія. Дѣйствительно, въ періодъ моего непродолжительнаго личнаго знакомства съ Пѣховскимъ послѣдній написалъ изслѣдованіе о *морфологій надежсѣй*. Рукопись, отправленная въ редакцію Журнала Народнаго Просвѣщенія, долгое время не появлялась въ печати. Поэтому авторъ, востребовавъ рукопись обратно, передать ее мнѣ съ предложеніемъ прочесть ее и высказать о ней свое мнѣніе. На другой день онъ явился ко мнѣ на квартиру съ тѣмъ, чтобы получить рукопись обратно и узнать мое мнѣніе о своей работѣ. Этотъ фактъ обращенія убѣленнаго сѣдинами профессора къ молодому, только что начинавшему свою университетскую дѣятельность человѣку въ высшей степени характеристиченъ, не только какъ свидѣтельство о его, ищущей научной правды, натурѣ, но и какъ указатель общительной скромности покойнаго. Однако при этомъ мое личное положеніе было не особенно пріятно, такъ какъ статья всѣми приѣмами свидѣтельствовала о томъ, что авторъ ея мало освоился съ результатами сравнительнаго языкознанія. Зато она была написана, во всякомъ случаѣ, самостоятельно и оригинально, и я ограничился тѣмъ, что указалъ ему на послѣднее обстоятельство, къ великому удовольствію искренно уважаемаго мною старика. Дальнѣйшая судьба этой статьи мнѣ извѣстна.

Профессоръ Деревницкій указываетъ далѣе, что Пѣховскій интересовался политикой. Также и я могу засвидѣтельствовать это. Близкій его другъ, И. П. Сокальскій, любившій повѣрять мнѣ свои тайны и, между прочимъ, сообщавшій мнѣ свои стихотворные экспромты на текущія событія нашей университетской жизни, принесъ мнѣ однажды статью, изображавшую фиктивный разговоръ какихъ-то дипломатовъ, будто бы подслушанныхъ таинственнымъ свидѣтелемъ, о коварныхъ планахъ Бисмарка по отношенію къ славянству вообще и къ Россіи въ частности. Оба друга послали эту статью секретно, подъ псевдонимами, въ

разные газеты, и когда она нигдѣ не была напечатана, то они не прочь были приписать это всемогуществу и обаянію имени Бисмарка.

Относительно того, что интересы Пѣховскаго отличались разнообразіемъ, не лишнее, быть можетъ, будетъ упомянуть также о томъ, что уже въ зрѣломъ возрастѣ онъ началъ учиться игрѣ на скрипкѣ.

VII.

По аттестату, выданному Московскимъ университетомъ въ 1871 г., Пѣховскій, тогда пятидесяти трехъ лѣтъ ¹⁾, вѣроисповѣданія римско-католическаго, происходилъ изъ гражданъ города Кожлина въ Пруссіи, принявъ присягу на подданство Россіи въ Московскомъ губернскомъ правленіи 14-го марта 1849 года. По окончаніи курса ученія въ Познанской гимназіи, поступилъ для усовершенствованія въ число кандидатовъ дополнительнаго педагогическаго курса, гдѣ слушалъ лекціи въ продолженіи двухъ лѣтъ. Потомъ, по распоряженію начальства, принятъ былъ въ число студентовъ Московскаго университета, по бывшему первому отдѣленію философскаго факультета на 3 курсъ въ іюлѣ 1839 года. По окончаніи курса удостоенъ степени кандидата 1841 года іюня 10. По распоряженію начальства, оставленъ въ вѣдомствѣ Московскаго университета, для достиженія высшей ученой степени, со включеніемъ въ число воспитанниковъ педагогическаго института и съ производствомъ на содержаніе по 142 р. 85³/₄ коп. серебромъ, 1841 года, 2 іюля. По Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ семнадцатый день августа тысяча восемьсотъ сорокъ третьяго года, отправленъ за границу, для изученія римской словесности и древностей, на три года, въ Берлинъ, Лейпцигъ и главнѣйшіе города Италіи, особенно въ Римъ, въ декабрѣ 1843 года. Съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія срокъ пребыванія его за границей продолженъ, для усовершенствованія по части филологіи, по 1 августа 1897 года. По уваженію къ болѣзненному его состоянію, г. министромъ народнаго просвѣщенія отсрочено ему пребываніе за границею до 1-го августа 1848 года, съ производствомъ ему прежняго его содержанія. Изъ командировки этой возвратился въ срокъ. Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству опредѣленъ на службу исправляющимъ должность адъюнкта Московскаго университета тысяча восемьсотъ сорокъ девятаго года сентября двадцать пятаго дня. Высочайшимъ приказомъ по граж-

¹⁾ По сообщенію А. Н. Деревницкаго, Пѣховскій родился въ 1816 году.

данскому вѣдомству уволенъ отъ должности, съ обязательствомъ дослужить срокъ по учебному вѣдомству, 1850 года декабря 14. Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству вновь опредѣленъ на службу исправляющимъ должность адъюнкта Московскаго университета, 1851 года января 25. Согласно удостоенію совѣта Московскаго университета, утвержденъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія въ степени магистра греческой словесности и въ званіи адъюнкта по кафедрѣ этого предмета, 1854 года января 1. Согласно удостоенію совѣта Московскаго университета, утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія въ званіи исправляющаго должность экстра - ординарнаго профессора 1854 года іюля 15. Всемиловѣйше награжденъ, за отличіе по службѣ, обыкновеннымъ подаркомъ въ 500 рублей серебромъ 1856 года августа 21. Главное правленіе училищъ опредѣлило выдать ему въ единовременное пособіе 300 рублей серебромъ изъ суммы, собираемой со студентовъ за слушаніе лекцій, 1857 года іюня 28. Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволилъ зачесть въ дѣйствительную учебную службу время преподаванія имъ въ Московскомъ университетѣ по найму, съ 1 сентября 1848 года по день опредѣленія его Высочайшимъ приказомъ исправляющимъ должность адъюнкта, 1858 года ноября 15. Согласно избранію совѣта Московскаго университета, г. министромъ народнаго просвѣщенія утвержденъ исправляющимъ должность ординарнаго профессора, по кафедрѣ греческой словесности 1859 года апрѣля 9. Всемиловѣйше пожалованъ единовременною выдачею 400 рублей 1860 года декабря 28. По защищеніи въ публичномъ засѣданіи историко-филологическаго факультета Московскаго университета диссертациі „de ironia Píadis“ утвержденъ совѣтомъ Московскаго университета въ степени доктора греческой словесности 1868 года апрѣля 20. Приказомъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, отъ 1 іюня 1868 года, утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ греческой словесности. Приказомъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, отъ 20-го сентября 1869 года, уволенъ отъ службы, за выслугою 25 лѣтняго срока, согласно прошенію.

Оставиль онъ Московскій университетъ въ чинѣ коллежскаго советника ¹⁾, не имѣя никакого знака отличія.

¹⁾ Чинъ статскаго совѣтника Пѣховскій получилъ дополнительнымъ образомъ уже послѣ выхода изъ Московскаго университета.

VIII.

Какъ видно изъ только что изложенныхъ официальныхъ данныхъ, ~~изъясненіе~~ Пѣховскаго по службѣ въ Московскомъ университетѣ произошло не очень быстро и, повидимому, даже не совсѣмъ гладко. Причинъ этого, равно какъ и причина его выхода изъ Московскаго университета въ архивныхъ дѣлахъ Харьковскаго университета не выяснена.

Оставивъ службу въ Московскомъ университетѣ, Пѣховскій переселился въ Харьковъ въ расчетѣ на занятіе здѣсь вакантной каѳедры греческой словесности. Однако это оказалось сопряженнымъ съ не малыми затрудненіями.

Согласно представленію историко-филологическаго факультета въ совѣтъ Харьковскаго университета отъ 29 ноября 1869 года, ординарный профессоръ Делленъ вошелъ въ факультетъ съ рапортомъ слѣдующаго содержанія: „Каѳедра греческой словесности уже много лѣтъ вакантна. Всѣ старанія факультета о замѣщеніи этой каѳедры не имѣли никакого успѣха; но кого мы долгое время напрасно искали, теперь имѣемъ въ нашемъ городѣ. Бывшій ординарный профессоръ греческой словесности въ Московскомъ университетѣ, г. Пѣховскій, переселился въ Харьковъ и, какъ я узналъ отъ него частнымъ образомъ, готовъ продолжать свою службу въ нашемъ университетѣ, если факультетъ удостоитъ его своего выбора и т. д.“. По произведеніи баллотированія въ факультетѣ оказалось избирательныхъ 4 и неизбирательныхъ 2 балла. Въ совѣтѣ же университета Пѣховскій получилъ избирательныхъ шаровъ 11, а неизбирательныхъ 17.

Вслѣдствіе этого факультетъ вновь вошелъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ отъ 23 февраля 1870 года слѣдующаго содержанія: „Послѣ неблагопріятнаго исхода ходатайства объ опредѣленіи Пѣховскаго штатнымъ преподавателемъ, историко-филологическій факультетъ, озабоченный установленіемъ преподаванія греческой словесности въ будущемъ учебномъ году, рѣшился обратиться въ совѣтъ университета съ новымъ ходатайствомъ о назначеніи Пѣховскаго на слѣдующій учебный годъ преподавателемъ по найму“. Факультетъ ссылается при этомъ на рѣшительный отказъ профессора Деллена принять на себя, крохѣ прямыхъ обязанностей по каѳедрѣ римской словесности, еще и чтеніе лекцій по греческой словесности, на что онъ соглашался въ предыдущіе два учебные года въ виду безвыходнаго положенія факультета; въ данное время въ лицѣ г. Пѣховскаго явился вполне компетентный кандидатъ на занятіе вакантнаго мѣста. Но такъ какъ Пѣховскій не соглашался служить по найму, то факультетъ „рѣшился повто-

рить свое ходатайство объ опредѣленіи его штатнымъ преподавателемъ и тѣмъ сложить съ себя великую отвѣтственность за послѣдствія“. Тѣмъ не менѣе совѣтъ не уважилъ ходатайства факультета, но согласился, „въ виду настоятельной необходимости въ преподавателѣ греческой словесности, ходатайствовать о разрѣшеніи пригласить г. Пѣховскаго, съ его согласія, на 1870—1871 академическій годъ для преподаванія по вакантной каѳедрѣ греческой словесности по найму, съ производствомъ ему за это платы въ размѣрѣ содержанія экстра-ординарнаго профессора“. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 29 день мая 1870 года, высочайше повелѣтъ соизволилъ: находящемуся въ отставкѣ бывшему ординарному профессору Московскаго университета статскому совѣтнику Пѣховскому поручить въ наступающемъ 1870—1871 академическомъ году преподаваніе греческой словесности въ Харьковскомъ университетѣ по найму, въ качествѣ сторонняго преподавателя, съ производствомъ ему за сей трудъ вознагражденія соразмѣрно съ содержаніемъ экстра-ординарнаго профессора, т. е. 2000 рублей въ годъ“ (независимо отъ пенсіи, которая при выходѣ въ отставку, исчислена была въ размѣрѣ всего 1429 руб. 60 коп.).

Въ засѣданіи факультета 15 марта 1871 г. возбужденъ былъ вопросъ о продолженіи преподаванія предметовъ по каѳедрѣ греческой словесности Пѣховскимъ въ будущемъ учебномъ году. При обсужденіи этого вопроса, факультетъ не могъ не обратить вниманія на настоящее положеніе каѳедры греческой словесности, столь долго остававшейся вакантною, не смотря на всѣ усилія замѣстить ее. Профессоръ Делленъ, читавшій два года греческій языкъ, литературу и древности, призналъ крайне затруднительнымъ для себя продолженіе этого чтенія и отказался. Состоящій же при каѳедрѣ греческой словесности приватъ-доцентъ *Григоревскій* исключительно занятъ былъ чтеніемъ греческой грамматики и переводами для упражненія студентовъ, такъ какъ большая часть студентовъ, по заявленію факультета, поступаетъ въ университетъ безъ всякаго знанія греческаго языка. „Настоящее положеніе профессора Пѣховскаго при факультетѣ никакъ нельзя назвать надежнымъ и прочнымъ, тѣмъ болѣе что въ большей части университетовъ, какъ извѣстно, чувствуется также сильная потребность въ преподавателяхъ классическихъ языковъ....“ На основаніи приведенныхъ данныхъ и соображеній факультетъ рѣшился еще разъ обратиться въ совѣтъ университета съ просьбою ходатайствовать о предоставленіи профессору Пѣховскому каѳедры греческой словесности на 5 лѣтъ съ принадлежащимъ ему званіемъ ординарнаго профессора. По произведеніи въ томъ же засѣ-

...лемъ
вѣя".
огла-
рече-
хов-
репо-
про-
инар-
ладу
высо-
рди-
нику
комъ
тетѣ
вомъ
стра-
отъ
брѣ

...наго факультета баллотировки профессора Пѣховскаго оказалось изби-
рательныхъ балловъ шесть и неизбирательныхъ ни одного.

Также и это представленіе отклонено совѣтомъ университета въ
сѣданіи 18 марта 1871 года, большинствомъ голосовъ.

Предложеніемъ попечителя округа отъ 7 іюня 1871 года въ уни-
верситетъ поступилъ запросъ министра народнаго просвѣщенія о томъ,
имѣются ли въ данное время соображенія совѣта о томъ, кѣмъ и когда
именно предполагается замѣстить каѳедру греческой словесности. Де-
канъ историко-филологическаго факультета, Н. Лавровскій, далъ на это
слѣдующій отвѣтъ: „Историко-филологическій факультетъ въ настоящее
время не имѣетъ никого въ виду для замѣщенія каѳедры греческой
словесности штатнымъ преподавателемъ. Совѣту университета извѣстно,
что, кромѣ стипендіата для приготовленія къ проффессорскому званію
по греческой словесности, *Тихановича*, при факультетѣ состоитъ при-
звать-доцентъ *Григоревскій*, которому поручаются практическія упражне-
нія для укрѣпленія студентовъ въ греческомъ языкѣ и съ тою же
цѣлью—чтеніе и объясненіе греческихъ авторовъ. Г. Григоревскій въ
концѣ истекшаго учебнаго года окончилъ удовлетворительно устный
экзаменъ на степень магистра греческой словесности; но такъ какъ не-
извѣстно, когда представлена имъ будетъ диссертация, то факультетъ
и не можетъ рассчитывать на него въ настоящее время при соображе-
ніяхъ о замѣщеніи каѳедры. Вполнѣ сознавая необходимость имѣть
особаго, самостоятельнаго, преподавателя столь важнаго предмета, фа-
культетъ входилъ въ совѣтъ университета объ опредѣленіи штатнымъ
преподавателемъ бывшаго ординарнаго профессора Московскаго уни-
верситета Пѣховскаго. Неблагопріятный исходъ также этого представ-
ленія и необходимость установить, по возможности, полное преподава-
ніе предметовъ, входящихъ въ составъ каѳедры греческой словесности,
въ будущемъ учебномъ году, послужили побужденіемъ къ послѣдовав-
шему затѣмъ представленію въ совѣтъ университета о порученіи пре-
подаванія по означенной каѳедрѣ профессору *Деллену* совмѣстно съ
призвать-доцентомъ *Григоревскимъ*“. Такимъ образомъ рѣшеніе вопроса
о замѣщеніи каѳедры греческой словесности перешло отъ совѣта уни-
верситета къ учебной администраціи ¹⁾.

Попечитель учебнаго округа, предложеніемъ отъ 5 августа 1871 го-
да, извѣдомляетъ ректора университета, что онъ входилъ въ министер-

¹⁾ По ст. 72 Устава министру было предоставлено опредѣлять профессоровъ,
безъ предварительнаго ихъ избранія совѣтомъ, если каѳедра оставалась вакантною
въ продолженіи года, а сверхштатныхъ—во всякое время.

ство съ представленіемъ объ опредѣленіи Пѣховскаго ординарнымъ профессоромъ Харьковскаго университета по кафедрѣ греческой словесности, съ назначеніемъ ему содержанія изъ остатковъ отъ некомплекта экстраординарныхъ профессоровъ и что, предварительно рѣшенія этого вопроса, министръ проситъ доставить свѣдѣнія о состояніи кафедръ въ Харьковскомъ университетѣ. Требуемыя свѣдѣнія были представлены ректоромъ 11 августа 1871 года, послѣ чего, приказомъ Министра отъ 9 октября того же года, Пѣховскій опредѣленъ вновь на службу ординарнымъ профессоромъ Харьковскаго университета по кафедрѣ греческой словесности. Но такъ какъ въ предложеніи Министрства не было указано, на какой срокъ назначается Пѣховскій, то совѣтъ обратился къ высшему начальству съ просьбой о разъясненіи. Въ отвѣтъ на это, при предложеніи попечителя отъ 2 сентября 1872 года, препровожденъ журналъ совѣта министра отъ 7 іюля съ указаніемъ, что, согласно § 78 устава профессора Пѣховскаго надлежитъ считать опредѣленнымъ на пять лѣтъ.

Слѣдующее затѣмъ время этого пятилѣтія протекло, повидимому, безъ всякихъ инцидентовъ. Но по истеченіи этого срока возобновилась старая исторія. По опредѣленію совѣта университета отъ 9 сентября 1876 года положено было подвергнуть въ слѣдующемъ засѣданіи баллотированію проф. Пѣховскаго по выслугѣ имъ 30 лѣтъ, согласно прямому указанію журнала совѣта министра отъ 7 іюля 1872 года; но передъ баллотировкой деканъ факультета предъявилъ заявленіе профессора Пѣховскаго, что послѣдній не желаетъ подвергнуться баллотированію, вслѣдствіе чего совѣтъ и положилъ просить ходатайства попечителя учебнаго округа объ увольненіи проф. Пѣховскаго отъ службы за выслугою лѣтъ. Въ отвѣтъ на такое представленіе попечитель, предложеніемъ отъ 31 октября 1876 года, принимая во вниманіе, что съ выбытіемъ изъ университета профессора Пѣховскаго остается вакантной одна изъ главныхъ кафедръ факультета, просилъ доставить ему дополнительныя свѣдѣнія о томъ, имѣется ли кто-либо въ виду для замѣщенія кафедры греческой словесности. Свѣдѣнія, представленныя деканомъ факультета, 18 ноября 1876 года, заключались въ слѣдующемъ: „Возможность увольненія профессора Пѣховскаго отъ занимаемой имъ кафедры явилась лишь въ самое послѣднее время, такъ что факультетъ не успѣлъ принять какія-либо мѣры къ присканію преподавателя греческаго языка. Для будущаго времени факультетъ имѣетъ въ виду стипендіата *Шульца*, приступившаго уже съ успѣхомъ къ испытанію на степень магистра греческой словесности“. Въ представленіи историко-филологическаго факультета отъ 20 декабря 1876 года изложенъ обшир-

ный рапорт Пѣховскаго, въ которомъ послѣдній ссылается прежде всего на то, что въ 1871 году оставилъ службу приватъ-доцентъ *Григорьевскій* и что на его мѣсто факультетъ представилъ совѣту приватъ-доцента *Левандовскаго* и что, въ виду отказа совѣта, Пѣховскій долженъ былъ принять на себя преподаваніе на всѣхъ курсахъ; затѣмъ обстоятельно доказываетъ ненормальность такого положенія дѣла и предлагаетъ раздѣлить этотъ трудъ, по крайней мѣрѣ, между двумя преподавателями ¹⁾. Итакъ, въ теченіе цѣлаго пятилѣтія Пѣховскому приходилось работать безъ помощника, за двоихъ, а вслѣдствіе истеченія срока факультету предстояло остаться вовсе безъ преподавателя греческой словесности. Но такъ какъ въ поданномъ попечителю округа доведеніи Пѣховскій изъяснилъ, что, хотя по нѣкоторымъ причинамъ онъ и отказался отъ баллотированія, тѣмъ не менѣе желалъ бы продолжать службу при Харьковскомъ университетѣ, то министръ народнаго просвѣщенія, согласно постановленію совѣта министра отъ 7 февраля 1877 года (но въ противорѣчій съ постановленіемъ того же совѣта министра отъ 7 іюля 1872 года), изъяснилъ, что профессора, назначаемые непосредственно высшимъ начальствомъ, не подлежатъ баллотированію по выслугѣ установленнаго срока и что увольненіе такихъ лицъ зависитъ отъ усмотрѣнія министра. вмѣстѣ съ тѣмъ министръ просилъ совѣтъ университета всемѣрно озаботиться возможно скорѣйшимъ присканіемъ на кафедру греческой словесности второго профессора или доцента. Въ предложеніи отъ 29 мая 1877 года попечитель округа обращается въ совѣтъ университета съ запросомъ о томъ, какія мѣры предприняты къ присканію второго преподавателя по кафедрѣ греческой словесности, на что совѣтъ отвѣтилъ, что факультетъ имѣетъ въ виду стипендіата *Шульца*, уже выдержавшаго испытаніе на степень магистра греческой словесности.

По истеченіи второго пятилѣтія совѣтъ университета вновь возбудилъ ходатайство о разъясненіи „относительно срока службы для профессора Пѣховскаго, такъ какъ онъ выслужилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ (1881 года) новое пятилѣтіе сверхъ 30-ти лѣтъ по учебной части“. Вслѣдствіе сего министръ Баронъ Николаи увѣдомилъ, что „вопросъ о продолженіи службы заслуженнаго ординарнаго профессора Пѣховскаго, по истеченіи пятилѣтняго срока его службы сверхъ 30-ти лѣтъ, на основаніи § 78 устава, долженъ быть подвергнутъ баллотированію въ

¹⁾ При этомъ Пѣховскій ссылается на прецедентъ: въ прежнее время въ Харьковскомъ университетѣ дѣйствительно были 2 преподавателя (*Валицкій* и *Юревичъ*).

совѣтъ университета“¹⁾. Однако, пока эта бумага достигла мѣста назначенія, баронъ Николай уже разстался съ своимъ постомъ министра, а преемникъ его, согласно предложенію попечителя отъ 16 мая 1772 г., конфиденціальнымъ письмомъ вытребовалъ обратно предложеніе бывшаго министра, что и было исполнено (въ дѣлахъ университета хранится только копія). Послѣ этого, согласно предложенію попечителя отъ 30 іюня 1882 года, Пѣховскій, съ Высочайшаго соизволенія, оставленъ на службѣ, безъ баллотированія, еще на 3 года, т. е. до 1885 года.

IX.

Вся эта эпопея любопытна во многихъ отношеніяхъ. Изъ нея прежде всего видно положеніе одной изъ главныхъ факультетскихъ кафедръ на протяженіи почти цѣлаго двадцатилѣтія, начиная съ конца шестидесятыхъ годовъ. Рельефно вырисовывается тутъ и обратная сторона борьба совѣтскихъ партій, могшей приносить въ жертву интересы преподаванія личнымъ соображеніямъ²⁾. Освѣщаются способы и характеръ соперничества между университетской автономіей съ одной стороны и распорядительною властью министерства съ другой. Замѣчательны далѣе случаи колебанія въ воззрѣніяхъ на одинъ и тотъ же принципиальный вопросъ со стороны органовъ центрального управленія: кромѣ казуса съ бумагой барона Николай, указываю на противорѣчивыя рѣшенія совѣта министра отъ 7 іюля 1872 года (баллотированіе предписывается) и 7 февраля 1877 года (баллотированіе не допускается).

Причины недружелюбнаго отношенія большинства членовъ совѣта къ Пѣховскому въ дѣлахъ университета не указаны. Конечно, первой и главной причиной являлась его принадлежность къ партіи, составлявшей въ то время меньшинство. Но врядъ ли можно его самого считать совершенно свободнымъ отъ всякой вины, если принять во вниманіе, что и въ Москвѣ обстоятельства сложились не особенно благоприятно для него, такъ что уже при наступленіи перваго срока онъ оказался вынужденнымъ покинуть Московскій университетъ. Отличаясь высокою честностью и добротою сердца, онъ въ то же время, кажется,

¹⁾ Редакція этой министерской бумаги не совсѣмъ правильна. Повидимому, тутъ хотѣли сказать, что *вопросъ* рѣшается такою-то статьею Устава и что, слѣдовательно, *профессоръ* долженъ быть подвергнутъ баллотированію.

²⁾ Не лишнее было-бы прослѣдить будущему историку этого періода университетской жизни также и дѣятельность тогдашняго секретаря совѣта, Кожедубова, игравшаго въ совѣтскихъ расприхъ, какъ извѣстно, немаловажную роль далеко не примирительнаго характера.

...былъ способенъ къ самообладанію въ сужденіяхъ о людяхъ и
...Составить себѣ о чемъ-либо опредѣленное мнѣніе, быть мо-
...и не самостоятельное, онъ отстаивалъ свой взглядъ съ го-
...доходившей до рѣзкости, примѣромъ которой могутъ слу-
...указанныя страницы въ концѣ его статьи: „Что такое
...“

Безъ бы то ни было, періодически повторявшаяся травля, пося-
...на его служебное положеніе, не могла не отразиться на его, и
...безъ того впечатлительной, натурѣ. Тѣ странности характера, которыя
...были ему присущи въ послѣдній періодъ его жизни, могли вырабо-
...именно вслѣдствіе этихъ постоянныхъ тревоженій въ борьбѣ
...за свое положеніе. Вдобавокъ, въ послѣдніе годы его службы въ Харь-
...университетѣ, ему приходилось жить одиноко, вдали отъ
...семьи, которая, въ періодъ моего знакомства съ нимъ, проживала,
...помню, въ Дрезденѣ. Квартировалъ онъ тогда въ домѣ инспек-
...студентовъ Вольнера и принималъ посѣтителей въ большой, плохо
...отопиваемой, комнатѣ, сидя за письменнымъ столомъ въ пальто и ка-
...Въ этой обстановкѣ онъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ
...къ лекціямъ даже въ томъ случаѣ, если предметомъ ихъ
...служили его излюбленные авторы, которыхъ, казалось, давнымъ давно
...онъ звалъ наизусть.

X.

Впрочемъ, съ 1882 года положеніе его въ университетѣ видимо
...къ лучшему. Когда онъ вошелъ съ рапортомъ въ совѣтъ о
...ему въ дѣйствительную службу перваго года его препода-
...въ 1870—1871 академическомъ году, то совѣтъ не нашелъ съ
...своей стороны никакихъ препятствій къ этому. За то, наоборотъ, ми-
...Деляновъ не нашелъ возможнымъ утруждать Государя Импе-
...всеподданнѣйшимъ докладомъ по настоящему предмету (предло-
...попечителя отъ 19 ноября 1882 г.). Въ засѣданіи совѣта отъ
...апрѣля 1883 года Пѣховскій избранъ былъ на должность секретаря
...филологическаго факультета значительнымъ большинствомъ
... (22 противъ 13), въ то время какъ въ пользу другихъ кан-
...подано было всего только отъ 7—15 голосовъ. Кромѣ того
...съ какого года) онъ завѣдывалъ также мюнцъ-кабинетомъ.

Но жизненные силы Пѣх...
...въ томъ 1885 ;
...стро...

въ это время начали идти уже
...кѣсь къ попечителю съ прось-
...жнаго пособія для лѣченія. Ми-
...распоряженіи свободныхъ суммъ,

разрѣшило выдать таковое пособіе изъ специальныхъ средствъ университета, каковыхъ, однако, также не оказалось въ избыткѣ. Не увѣнчалось успѣхомъ также и ходатайство передъ министерствомъ, о разрѣшеніи Пѣховскому заграничнаго отпуска на одинъ годъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено ему сдать мюнцъ-кабинетъ упрощеннымъ способомъ. Предложеніемъ попечителя отъ 22 марта 1886 года, заслуженный ординарный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, уволенъ, согласно прошенію ¹⁾, отъ службы, съ 1 ноября 1885 года.

Послѣдніе годы своей жизни, нѣсколько оправившись отъ своей болѣзни, онъ проводилъ частью въ Краковѣ, частью въ Варшавѣ, гдѣ и умеръ, 27 іюня 1891 года, 75 лѣтъ отъ-роду.

И. Нетушилъ.

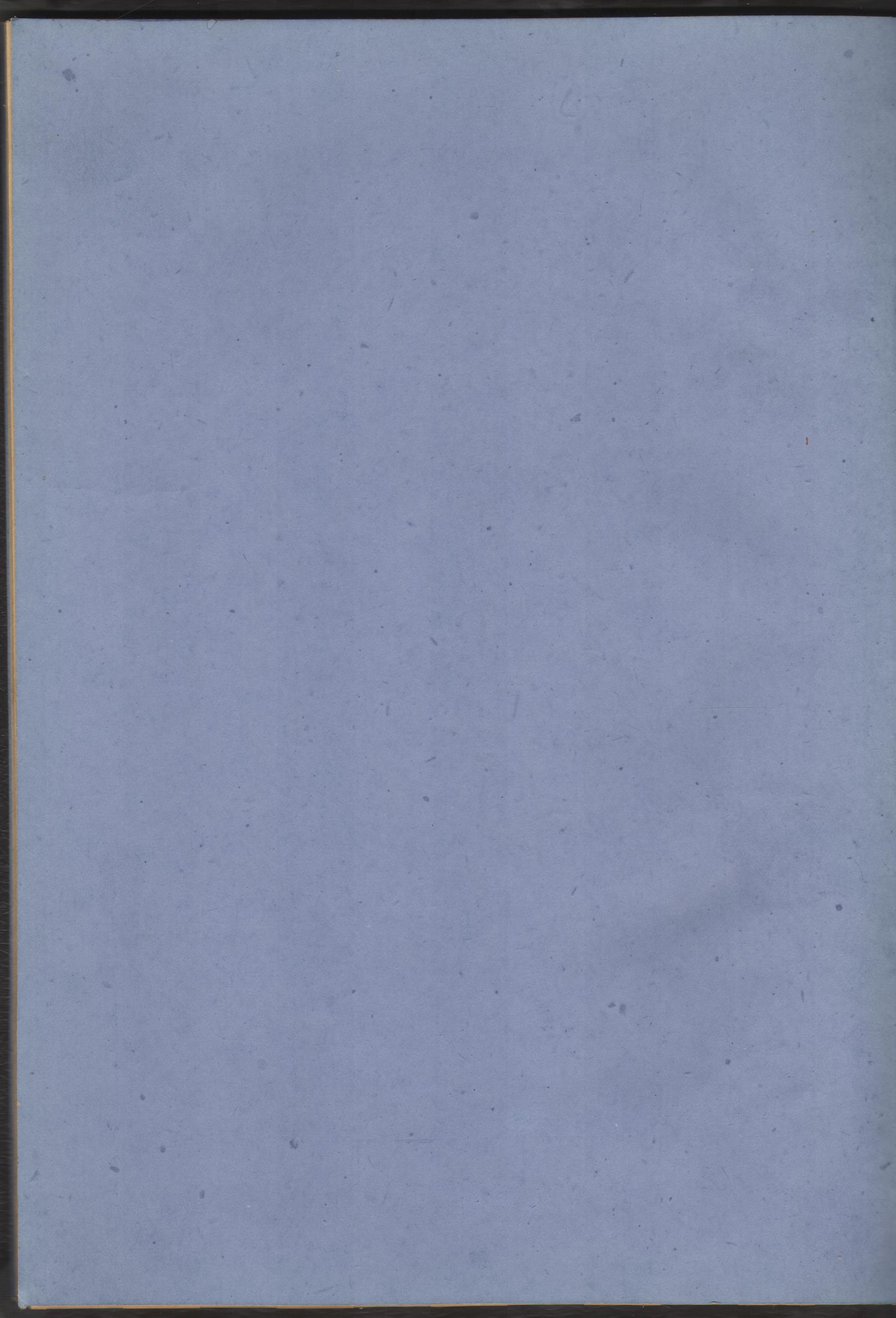
Центральная Научная
Библиотека п. ХАУ
392548

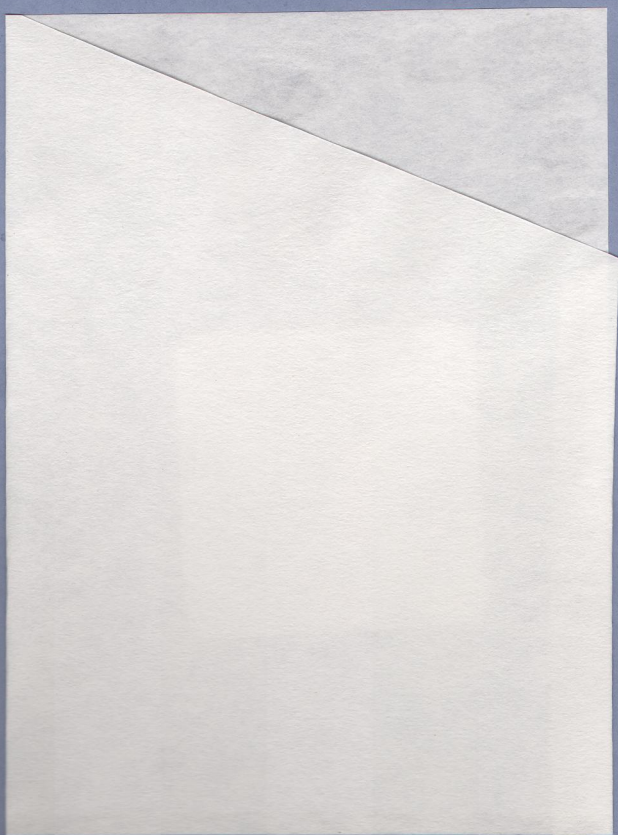
¹⁾ Прошеніе н
ховскимъ.

Отдѣльн. оттиски
Харьковъ. Типогр

Стг. ат. из "Записки Имп. Харьк. ун-та",
8а 1902 г.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00673615

2